

STALKER

Артем Помозов

[ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО]
ТРОПОЮ МЕСТИ

Апокалипсис-СТ

Артём Помозов

Проклятое место. Тропою мести

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Помозов А. Г.

Проклятое место. Тропою мести / А. Г. Помозов —
«Издательство АСТ», 2022 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-148791-1

Зона изменилась. В ней больше нет места крупным группировкам, а ранее обжитые лагеря теперь лежат в руинах. Последняя война между «Ударом» и «Анархистами» поставила жирную точку в многолетнем противостоянии и навсегда изменила баланс сил на Территории Проклятых. Однако есть те, кто не готов мириться с таким положением вещей. Сталкер Рэй потерял всякую тягу к жизни. Все, что движет его бессмысленным существованием, — жажда отмщения. За погибших братьев, за семью. И в этой отчаянной борьбе против всего мира он готов пойти слишком далеко. Но какую цену придется заплатить, ступив на тропу мести? И есть ли другой путь, чтобы свершить правосудие и уберечь своих близких? От Зоны — и от себя самого...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148791-1

© Помозов А. Г., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	42
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Артём Помозов
Проклятое место. Тропою мести

© Помозов А., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

От автора

Дорогие друзья, в предисловии к роману «Лестница в небо» я утверждал, что изначально задумывал «Проклятое Место» дилогией. Я писал, что из-за довольно внушительного объема мне пришлось разделить финальную книгу на две части – собственно на «Лестницу в небо» и «Третий путь» (это рабочее название опуса, что вы держите в руках). Тогда я был с вами искренен. Буду искренен и сейчас.

Я был убежден, что смогу уложиться в формат трилогии. И я очень старался выдать на ваш справедливый суд законченное и интересное произведение в трех томах, потому что не хотел затягивать повествование. Но в процессе активной работы над рукописью я понял, что у меня не получится уместить в сюжет все то, о чем я планировал рассказать еще со времен своего дебюта.

Оставалось лишь два варианта. Первый предполагал то, что я вырежу некоторые эпизоды и даже исключу из сценария целые главы. Второй же – что я превращу финал в перенасыщенный событиями «кирпич» на миллион знаков. Довольно быстро я понял, что все эти варианты – путь в никуда. Бесперспективная затея, проще говоря.

В таком случае многие вопросы остались бы без ответов, мир «Проклятого Места» потерял бы свои краски, а характеры некоторых персонажей так и остались бы не до конца раскрытыми и блеклыми. Не желая испортить читателям впечатление от концовки, мы совместно с издательством сделали вывод, что правильнее всего будет разбить и финальный роман на два отдельных тома.

Так что «Проклятое Место» станет тетралогией. Это уже точно. Создавать бесконечный сериал у меня нет никакого желания.

После «Тропою мести» вас ожидает окончание всей серии. Я хочу вложить в свой цикл полный объем информации, раскрыть все детали этой истории, а также задействовать все «ружья», что были развешены мною в моих предыдущих работах. Этим я руководствовался при принятии такого решения. Я очень надеюсь, что вы не останетесь разочарованными.

Благодарю вас!

Ну а пока – желаю приятного чтения!

Книжка эта – художественное произведение. Значит, все факты, имена персонажей и сюжетные события являются полностью вымышленными. Все совпадения с реальностью совершенно случайны.

Путем зла не доходят до добра.

Уильям Шекспир

Глава 1

Перерождение

«Нет! Нет, пожалуйста! Оля! Оля! Не бросай меня! Не бросай, солнышко...»

Темнота рассеивалась.

Андрей очнулся и сделал глубокий вдох, словно он вынырнул из морской пучины. В этот момент в памяти вспыхнуло, ярко-ярко: вот он, хрупкий десятилетний мальчишка, отдыхал с родителями в Ялте, на одном из городских пляжей, где, заливаясь звонким хохотом, побежал по пирсу, уловив момент, когда мама с папой отвлеклись. Всего-то на минуту – купить вареную кукурузу. Хватило, чтобы упрямый мальчуган вытворил то, о чем так давно помышлял.

Разгон – прыжок!

Зашел под волну, что подхватила его, протащила по дну и безжалостно ударила макушкой в камень. Тогда он потерял ориентацию, открыл рот, чтобы закричать от боли, – и хлебнул соленой воды. В те минуты никто не мог прийти на помощь. Никто даже не знал, что произошло. Жизнь на ялтинском пляже шла своим чередом, а маленький Андрей оказался на грани. Но выплыл, сумел собрать всю волю в кулак и задушить в себе страх.

Как тогда, в далеком-далеком детстве, он выныривал со дна и вдыхал живительный кислород, так и теперь, всякий раз думая, что навечно закрывает глаза, он вновь и вновь пробуждался.

Ничего не слышал – разве что биение собственного сердца.

Ничего не видел – кровавая пелена застила последний уцелевший глаз.

Мир – прекрасный и многогранный – оказался испоганен алым «фильтром».

«Я сплю... это просто кошмар... всего-то кошмар...»

Но надежды разбились вдребезги.

Все произошедшее с ним – не страшный сон.

– Оля... – сорвалось с губ Андрея. – Оленька...

Нет, все было по-настоящему.

Любимая женщина неподвижно лежала у него на руках, и, если бы не кровь на ее одежде, если бы не остекленевший взгляд и не посиневшие губы, то можно было бы подумать, что она просто уснула – в такой вот романтической позе, в объятиях возлюбленного...

За спиной затрещали доски.

Андрей обернулся и застонал.

– Я так и думал, что стреляли в гребаном Зимовище... – услышал он грубый голос. – Эй, мужик? Не плачь! Слышишь меня? – До сталкера долго доходило, что незнакомец обращается к нему. – Да не реви ты, словно баба! Приманишь кого еще! Дай, подсоблю! – Чьи-то сильные руки подхватили его. – Я здесь, сынок, ты только потерпи маленько. Свят-свят-свят, ты такой бледный. Много крови потерял, поди. Но держись, выкарабкаешься, я помогу тебе...

– Нет... не надо... оставь... ей... ей помоги...

– Ей уже не помочь, сынок. А тебе можно. Отпусти ее. Оставь. Если бы я раньше сообразил, если бы я... – Подняв Андрея, спаситель закинул его безвольно болтающуюся руку себе на плечо. – А впрочем, уже неважно, – и поспешил к подземному бункеру, который когда-то давно принадлежал известному торговцу Валерьевичу. – Боже мой, у тебя все лицо в крови...

* * *

Язычки пламени от небольшого костерка, разложенного в дальнем уголке каморки Валерьевича, у вентиляции, весело играли на потрескавшихся бетонных стенах.

Пахло гарью.

Двое мужчин, один из которых – взрослый, жилистый лысый мужик, а второй – длинно-волосый сероглазый паренек, переговаривались, поглядывая на огонь. Опасались отравиться угарным газом. Деваться-то все равно было некуда, но эти взгляды – дело инстинктивное.

– Ты ради покойничка рисковал? – взбрыкнул сероглазый. – Я же тебе говорил, что надо срочно в бункере прятаться, а не играть в эмчэсника! Мы забрались слишком далеко от хоженных мест! А если бы тебя Зарядкой накрыло? Ты об этом думал, Вадим? Дурень! Вроде взрослый мужик, а дурень!

– Мне бросить его там надо было? – парировал лысый. – Тебе, Лешка, что ссы в глаза – все божья роса! О себе только и думаешь! Ну и обо мне иногда...

– Ой, блин, с тобой разговаривать – как об стенку горох. Не жилец он, не видишь, что ли?! Дуй-ка давай в лес, когда Зарядка закончится. Там прикопай его. Это вся твоя посильная помощь.

– Иди ты. У меня «живчик» есть. А на глаз и ухо... ну, тут только повязку наложить. Ты же жмотиться на бинты не будешь?

– Да хрен с ними, с бинтами, у меня этого добра навалом. Пойми, я не злодей! Но ты, братка, серьезно променяешь артефакт на этого проходимца? На нем даже сталкерской экипировки нет! Это какой-то залетный турист! Или еще чего хуже... бандит с Озер...

– Вот подлечим его, а потом разберемся, – отрезал старший напарник.

– «Вот подлечим его, а потом разберемся!»! – перекривлял своего друга Лешка. – Ты всегда сначала делаешь, а потом думаешь! Ладно, притащил полудохлого и притащил. Ничего уже не попишешь. Не буду же я, в самом деле, его добивать. Хороший ты человек, Музыкант. А зря.

– Чего это – зря?

– Сложно жить тебе будет, говорю. Тут, в Зоне, особенно.

– Пускай мне сложно будет. Мне уже сложно. Я с этим не спорю. Но, братка, зато я точно буду знать, что, раз уж мир сошел с ума и покатился в тартарары, я не покатился вместе с ним. Человеком быть нужно. С большой буквы. Везде и всюду им быть надо. Понимаешь?

– Понимаю, Вадик, понимаю...

* * *

И снова – со дна.

И снова – вдох!

Андрей пришел в себя и осмотрелся: понял, что лежит на твердом и грязном матрасе. Привычного неба над головой не было, вместо него Андрей смотрел своим единственным глазом в испещренный трещинами потолок.

Искатель начал приподниматься на локтях – и вскрикнул. Острая боль резанула бок, когда артефакт, который кто-то примотал бинтом к ране, упал и покатился по полу.

– Проснулся? Славно! – Суровый, мускулистый и гладко выбритый сталкер поднял «живчик». – Как ты себя чувствуешь? Ты это, мужик, не дергайся лучше, а? – Он вернул артефакт на место, подложив его под бинт. – Тебе очень крупно повезло! Ты потерял много крови. Хорошо еще, что не так уж критически много, раз пока не помер. Полежи и отдохни. Ты в безопасности. Я тебе повязку на глаз сфокусничал, вокруг башни твоей бинт обмотал, там и уху твоему досталось. Ты уж прости, но там нечего спасать было.

– Где я? – спросил Андрей.

Он говорил спокойным, хоть и слегка осипшим голосом. Не иначе, подействовали целебные свойства артефакта.

– В пятизвездочном отеле. Разве не видно? За номер полагается оплата, – пошутил второй присутствующий в комнате – молодой парень лет тридцати от роду. – Косарик в часик.

– Не слушай его. Он молодой, но юродивый. Ты в бункере ныне покойного Валерьевича, – ответил его друг. – В безопасности.

Андрей узнал помещение. Вдоль стены протянулись ряды зеленых деревянных ящиков с надписями: «Накидки», «Комбинезоны», «Куртки», «Защитные костюмы», «Экипировка», «Патроны. Калибр 9×39», «Патроны. Калибр 7,62», «Патроны. 9×18 мм ПМ», «Осторожно! Огнеопасно», «Керосин», «Бензин», «Детали».

Были и другие ящики, что стояли дальше, но в полутьме у Рэя не получилось разобрать, что же на них написано.

– Как? Я не должен быть здесь...

– Да, ты должен был подохнуть там, наверху, если бы мой приятель тебя не спас.

– Лешка, угомонись. Лучше скажи мне, а ты ящики осматрел?

– Осмотрел. Пусто. Конечно же, тут все разграбили.

– Как вы тут?.. Как я?..

– Я тебя спас. Случайно так получилось. Мы выстрелы услышали, на них и поперлись. Понимаю, что глупо. Обычно от таких звуков убежать надо, но я чувствовал, что беда какая-то приключилась. Мы в этой деревушке давно не были, решили вон, три дня назад, в дальний рейд пойти, на свалку брошенной техники, а там нас и прижали бандюганы. Отступать начали, так живность на шум автоматов стянулась. А потом и вовсе твари какие-то непонятные, похожие на тех, о которых Огонек в Сети писал. В общем, так и валили мы в сторону Зимовища, хотя хотели сделать привал в Краю вечного лета. Но Зарядка спутала планы. Сюда побежали, когда выстрелы эти самые услышали. Вечером-то звуки далеко разносятся. Так тебя и нашли...

– Оля! – Андрей подорвался с лежанки, но лысый мужик толкнул его в грудь, пригвоздив к замызганному матрасу.

– Спокойно, сынок.

– Пить дайте, – угомонившись, попросил Рэй. – И скажите уже, кто вы?

– Держи. – Молодой парень подошел, снял с пояса флягу, открутил крышечку и протянул воду раненому. – Спрашиваешь, кто мы? Добрые христиане, кто же еще, – пошутил он. – Меня Лешей кличут. Нормальное погоняло не заработал. Здоровяк – мой лучший друг Вадимка, он же Музыкант. Мы вольные сталкеры. Если ты не бандит, бояться тебе нечего. Не бандит же, а?

– То-то он тебе и выдал, – вклинился в разговор Музыкант. – Он же не совсем тупой. Не похож он на бандита или залетного. Спокойно держится. Про Валерьевича знает. Колись, казак, откуда ты?

– Ушел из Зоны. Давно. Волею судеб, вот, вернулся. С «Анархистами» раньше был. Рэем звали.

– Господи боже... – вырвалось у Музыканта. – Рэй...

– Что? Что такое? – занервничал Андрей.

– Поспи, парень, наберись сил. А потом мы с тобой поговорим.

После этих слов сознание Андрея кануло в блаженную негу сна.

* * *

Крепкий черный чай был щедро налит до самых краев в металлическую советскую кружку. Напиток согревал и помогал прочистить мозги.

Выспавшись, Андрей почувствовал себя заново родившимся. Он сумел самостоятельно подняться с матраса и доковылять до одного из ящиков, на котором сидел сейчас, попивая горячий целебный отвар.

Компанию Андрею составлял все тот же тандем – Леша и Музыкант. Как выяснилось, они были закадычными друзьями. Вспомнились Лом и Зверь, завсегдатаи Зимовища, убитые возле границы. Они даже внешне были чем-то похожи.

Музыкант сказал, что Зарядка давно закончилась, а сам Рэй провалялся в отрубе целые сутки. Друзья не бросили его, а остались, пообещав какое-то время приглядывать за попавшим в беду сталкером.

– Ну? – нарушил тишину анархист. – Так что там за тайны?

– Прости, если лезу не в свое дело, но та девушка... – Музыкант замялся. – Ты помнишь, как умолял меня помочь ей, бросив тебя? Кто она тебе?

– Я... любил ее...

– Нам нужно знать, что там произошло. Ты уж прости, но ответь, пожалуйста. Ты потащил ее сюда? И ее подстрелили, да?

– Я ушел очень давно, парни, и уж точно не ради того, чтобы привести сюда свою женщину. Нет. Ее похитили. Один человек, который желал мне зла. Вы слышали что-нибудь о майоре Дятченкове или о сталкере Коте?

– Наслышаны.

– Это он отнял у меня глаз¹. – Андрей прикоснулся к повязке. – И это он похитил и доставил ее сюда. Мечтал отомстить за то, что я убил Шустрого, его братку. Я убежден, что поступил правильно. Шустрый был виновен в смертях многих хороших людей. Но я просчитался, оставив Кота в живых. Он несколько месяцев готовился к этой встрече, а потом выманил меня сюда с Большой земли.

– Почему не попытался убить их за Периметром?

– Не знаю. Он привез их сюда – Олю и ее брата. Кот приказал мне выбрать, кому жить, а кому умирать. Я выбрал ее младшего брата. Но я не собирался сдаваться. Я пытался помочь, я дрался с этим уродом, я победил и толкнул его в аномалию, но... – Ком предательски подкатил к горлу. – Но Олю было уже не спасти.

– Прости, – положил ему руку на плечо Музыкант, – просто надо было понять, что там произошло, – сжал.

– Вам это что-то дало?

– Мы знаем, что это не ты убил ее.

– Я не убиваю женщин. Но смысла в таком допросе нет. Мало ли что я скажу? Слова – это ничто.

– Для кого-то ничто, – согласился Лешка. – Только вот у Вадика самый настоящий дар, он вранье всегда вычислить сможет. А то ж, с органами сотрудничал там, за колючкой-то!

– Мой друг преувеличивает, хоть мне и приятно, что он такого мнения обо мне. Нет у меня никакого дара, я просто наблюдателен, – усмехнулся Вадим. – Я верю тебе, сынок. Вижу, что ты не лжешь. Либо ты классный актер.

– Я так, между делом ляпнул. Понту-то мне вам лгать?

– Никакого. Но, сынок, вообще-то я не об этом хотел поговорить. Ты в прошлом был правой рукой Рахмана, да?

– Вот она, народная молва. Да, я был одним из шести основателей, но я давно ушел. Из-за личных разногласий. Чтобы не провоцировать конфликтов и не раскалывать группировку, я принял решение уйти. К чему ты клонил?

Музыкант и Лешка переглянулись.

– Что? – нетерпеливо переспросил Андрей.

– Ты едва ли скоро отойдешь от своей потери, и мне, наверное, нужно было бы заткнуться... Мне жаль, что так случилось с той девушкой, правда. – Вадим тяжело вздохнул. –

¹ Об этих событиях читайте в романе «Проклятое Место. Лестница в небо».

Но не сказать тебе я не могу. Нет больше «Анархистов». Нет их. Хорошими вы были мужиками, правильными, с понятиями. Но так вот случилось...

– То есть как это – нет?

– А вот так это, – ответил молодой. – Турко и его банда. Они даже не скрывали этого зверства.

– Я ничего не понимаю...

– Перед самой Зарядкой в чате проскочила инфо, что «Удар» и «Анархисты» будут объединяться, вот они и закатили званый ужин, чтобы это единение отпраздновать. Собственно, там всех и порезали. Пока ты спал, я следил за ситуацией в Сети. Вот, смотри, что нашел. Разверни фотку. – Лешка дал Андрею свой коммуникатор. – Мы должны были тебе сказать, извини.

Рэй молча уставился на поцарапанный экран КПК. На фотографии был запечатлен Рахман, подвешенный за шею на массивной ветке. Рядом с ним висел еще один человек – уже в экипировке «Удара». Бывший анархист узнал и его – это Чехов, один из доверенных людей Турко. На груди Рахмана – картонка, черные буквы на которой гласили «Предатель». Такая же картонка была и у мертвого Чехова, только с другим обозначением – «Мятежник».

– Нет-нет-нет... этого не может быть... не может быть... – Он узнал и место, тот самый пейзаж. Здесь, на этом самом дереве, когда-то давно болтался генерал Андрейченко, что работал вместе с Малининым и использовал свое положение в «Ударе» в личных целях. – Они... они... – Кружка выпала из рук Андрея, чай разлился по полу.

Отстраненно отдав коммуникатор Лешке, сталкер сполз с ящика, привалился к стенке и засмеялся, словно сумасшедший.

* * *

Лопата входила в стылый грунт Чернобыльской Зоны отчуждения.

Когда-то деревня Зимовище, над которой теперь кружил черный ворон, была обжитым лагерем для тех, кто только-только начинал постигать нелегкое ремесло искателя. Сегодня оно превратилось в груду руин и большую братскую могилу.

Андрей утер пот со лба и отбросил найденную в бункере Валерьевича лопату в сторону. Лицо не выражало никаких эмоций, а уцелевший глаз как будто потускнел.

– Я не хотел запоминать тебя такой, но в жизни редко получается все так, как того хотим мы. – Он опустился на колени перед телом девушки, над которым, назойливо жужжа, кружили мухи. – Прости меня...

«Мы... с тобой... мы всю жизнь хотели поговорить... и вот момент настал... а говорить уже поздно...»

Подул ветер, разгоняя опавшую осеннюю листву. Как она тут? Вечная осень, деревья и цветы не должны – а вот. Сразу листья такими вырастают – разноцветными, но гнилыми и мертвыми. Может, и с людьми так?..

Музыкант с Лехой разводили костер у строительной будки. Той самой, где так любил постоять и покурить Лис, наблюдая за бурлящей в лагере новичков жизнью. Казалось, все это было не так уж и давно. Куда ушло?

– Я сделаю то, что обещал. – Андрей встал. – Прости меня... это какой-то ночной кошмар... хочу проснуться... и чтобы ты рядом... Если бы я мог хоть что-то исправить...

Взяв девушку на руки, он бережно, словно та была хрупкой фарфоровой куклой, опустил ее на дно вырытой могилы, успев подумать, что Оля стала легче. Хотелось бы верить, что это бессмертная душа покинула брентную оболочку, но не верилось с высоты прожитых лет и жизненного опыта.

Давным-давно, в прошлой жизни, когда Андрей был совершенно другим человеком, он вместе с Рахманом стоял на этом месте, слушая наставления Лиса. Тут, между двумя скособоченными деревенскими хатами, которые теперь были выгоревшими и окончательно развалившимися. В те дни Рэю казалось, что Зимовище просуществует вечность, как и мудрый наставник Лис. Или тот отрезок времени, пока существует само Проклятое Место. Не сбылось.

– Прощай. – Выбравшись из ямы, Рэй снова взялся за грязную рукоять. – Я люблю тебя и всегда любил. Еще увидимся...

* * *

Когда он закончил, рана в боку напомнила о себе. Ныла немного, но терпимо. Артефакты – лучшее лекарство. Вот только жаль, что человек не хочет использовать энергию Зоны и ее подарки на благие дела, а обращает их во зло...

Рахманинова Ольга Павловна
1983–2014
Любящая жена и мать

Нож Рэй нашел возле горсточки пепла, в которую превратился Кот. Этим же ножом нацарапал памятные строки: вывел их на двух досках, из которых соорудил крест. Лезвие было толстым, а рукоять удобной и приятной на ощупь, так что сталкер решил присвоить холодное оружие. Пригодится.

Андрей установил еще один кустарный монумент возле спуска в бункер Валерьевича – посвятил его торговцу и всем искателям, что погибли в день карательной операции военных.

Третий был для Кота.

Майор службы безопасности Украины
Дятченков
«Кот»

Заслуживал ли предатель рукотворный памятник? Андрей не знал. Но он смог ненадолго отвлечься от мрачных мыслей, пока искал доски для креста и выцарапывал лживые слова. Лживые ли? Если отбросить события нынешних дней, следовало помнить, кто загнал жалкие остатки религиозных фанатиков из Припяти на Чернобыльскую АЭС, где те, скорее всего, вымерли от запредельного радиационного фона. Так что на совести майора были не только умерщвленные новички и смерть бедной девушки, но и что-то хорошее, что-то правильное.

Чертов круг насилия, чертовы полутона. Как жаль, что мир не такой, каким нас учили видеть его в начальной школе.

* * *

Вечерело.

– Рэй, давай к нам! – позвал Музыкант к костру. – Сюрприз стынет!

– Сейчас! – отозвался Андрей.

Он вернулся к Олиной могиле и сел на землю, скрестив ноги по-турецки. Потянулся за пачкой сигарет – та вся пропиталась кровью, но Андрей плевать хотел. Раскрыв, вытащил одну, поджег кончик.

– Черт... как же я устал... как я устал...

Зажигалка продолжила гореть – палец застыл, так и не захлопнув крышку...

Дым клубами уходил в сумеречное небо, а на лице Андрея не проявилось ни одной эмоции.

– Не могу... я просто не могу...
Даже слезинка не скатилась по его щеке.
Слезы-то давно высохли.
Как и его израненная и черная как смоль душа.

Глава 2

Трудно быть Богом

– Меня-то за что?! – возмутился капитан, пытаясь вырваться из хватки сослуживца, который вел его на казнь. – Я ничего не сделал!

– Закрой пасть, быдло! – прикрикнул конвоир. – Немедленно!

– Чего беспределите-то?! – Уже другой, майор по званию. – Позор вам! Позор, гниды!

– Держи его, Костенко, крепче держи!

– Я настоящий офицер, Паша, а ты... сука... членосос поганый!

– Не слушай его, Водопьянов! Эй! Куда, н-на?! Руки, руки покажи, мразь!

– Да вы все равно ни хрена не добьетесь! Не перевешаете всех, упыри сучьи! Правду не скрыть! Пружину нельзя сжимать бесконечно...

– Молчать! Молчать, я сказал!

– Отпустите меня! – залепетал рядовой. – Отпустите, я не знал, что они пойдут против вас! Отпустите, прошу! Я всегда был на вашей стороне...

Генерал Турко брезгливо поморщился и плюнул в лицо тому, что молил о пощаде.

– Мне глубоко насрать, на чьей ты там стороне. Тебя поймали с поличным, гондон. Эй, – повернулся он к палачам. – Петренко, Водопьянов, Костенко! Готовимся!

– Так точно! – отчеканили они.

Кто перед ними?

Предатели.

Мятежники.

Наглецы, что посмели не поддержать Турко и его идею с истреблением «Анархистов».

Они стояли лицом к стене, а в их спины хищно смотрели стволы «калашниковых».

– Я не хотел этого, – начал говорить Турко. – Но вы не оставили мне выбора! – Он взял микрофон, и его голос разнесся по громкоговорителям, что были развешаны под сводами Арены. – Не прошло и суток с того момента, как мы уничтожили нашего самого злейшего врага, а против нас уже стали плести заговор...

– Против тебя! Ты убил Захаренко! Ты его убил! Вы с Андрейченко одного поля...

– Заткнись! – Выскочку огрели прикладом по затылку. – Лишил себя права на последнее слово, идиот!

– Я продолжу! Эти пятеро – заговорщики. Они хотели сломать наши устои и пошатнуть нашу стабильность! Они хотели занять место во главе группировки, чтобы развалить ее! Это якобы месть за то, что мы сделали с «Анархистами». Благодаря расследованию службы внутренней безопасности, которая и занимается подобными вопросами, заговор удалось пресечь в зародыше, – обращался Турко к зрителям на трибунах. – Эти пятеро нарушили Устав! Статья двадцать три, пункт второй! Что там говорится о попытке смены руководства насильственным путем? Это очень жестокая статья, господа. Вы спросите, почему я не простил наших парней в столь сложные времена? Оступились, бывает! Поверьте, я бы их простил, если бы не одно но. Помимо этой статьи, они нарушили и статью девять! Ее шестой пункт! Измена – это тяжкое преступление. Оно не должно оставаться безнаказанным! Наши враги потихоньку сдают свои позиции. Мы обязаны стать сильнее. А таким, как эти... язык не поворачивается назвать их «людьми»... как эти мерзавцы, эти существа – им не место среди нас. Они словно раковые клетки в здоровом организме! Я не пойду на компромиссы. За измену, за создание и руководство группой, ставящей своей целью проведение деструктивной либо подрывной деятельности с целью насильственного свержения руководителя «Удара», майор Бондаренко Юрий Викторович, я приговариваю вас к смертной казни через расстрел. Прощальное слово?

– Твоя никчемная жизнь не стоит и секунды жизни тех ребят, что ты угробил на ужине, сволочь!

– Приговор исполняется в отношении майора Бондаренко!

Грянул выстрел.

– Рядовой Антонов Валентин Леонидович! – как ни в чем не бывало продолжил Турко. – За участие в группе, ставящей своей целью проведение деструктивной либо подрывной деятельности с целью насильственного свержения руководителя «Удара», я приговариваю вас к смерти! Есть что сказать?

– Пожалуйста! Не надо! Я не с ними! Это все большая...

Парень не успел договорить – ему помешал громкий хлопок – и он сполз по обшарпанной стене, оставив на ней багровый шлейф.

– Приговор по все той же статье исполняется в отношении капитана Шилова Валентина Николаевича. Сказать чего желаешь?

– Я ничего не сделал, генерал. Ты это знаешь. Просто я тебе не нравился, вот ты и решил под шумок...

Выстрел.

Капитан безвольно свалился рядом с двумя убитыми.

– лейтенант Гончаров Анатолий Сергеевич. По все той же статье. Боже, Петренко, я устал говорить, прикончи их уже просто так. Левина не забудь! Приговор в исполнение привести и бла-бла-бла...

Засверкали дульные вспышки...

* * *

Руководитель группировки «Удар» поправил золотую оправу очков с квадратными дужками и взял в свои морщинистые руки книжку – роман-антиутопию, «О дивный новый мир» за авторством некоего Хаксли. Томик нашел в вещах убитого майора Чехова. Если судить по аннотации, вещь обещала быть занятной.

– Ознакомимся для саморазвития, – пожал Турко плечами, на которых уже красовались генеральские погоны.

Погоны ему шли.

А что?

Заслужил.

После того как едва ли не в одиночку подавил мятеж, казнив Чехова и пятерых несогласных с действиями в отношении «Анархистов», можно было поощрить себя внеочередным званием. Устраивать судилище над своими людьми было морально тяжелым решением, но не стоило забывать, что собака, укусившая руку хозяина, – должна умереть. Никаких исключений. Новоиспеченный генерал не дал слабину, а продемонстрировал железную волю. Вожак стаи должен жестко поставить себя, тогда его начнут уважать.

– Даже интересно. – Турко облизнул палец и перевернул титульную страницу. – Зачем раньше-то кокетничал? Сразу надо было погончики-то вешать!

Лидерство в группировке не зависело от звания, но зависело от положения и авторитета. Звания – больше традиция, анахронизм. Можно сказать, дань памяти почившему генералу Юрию Захаренко.

Тогда еще подполковника Турко в руководители выдвинули люди. Во главу стола его посадили путем честного и беспристрастного голосования. Кого еще выбрать? Он был идеальным кандидатом, особенно после бескомпромиссного Андрейченко. Старт – будь здоров. С ходу набрать колоссальное количество политических очков – надо уметь. Самый простой способ – возглавить восстание против предшественника. Турко разыграл эту карту. Выяснилось,

что Андрейченко, на пару со своим дружкой Малининым, набивал живот, сидя на тепленьком месте. В ту пору солдаты «Удара» десятками гибли на Озерах и Болотах. Отличный катализатор, чтобы сорвать стоп-кран у разъяренной толпы, но самому не пасть ее жертвой.

Встав у руля, Турко сделал все, чтобы холопы забыли, что его роль – «временно исполняющий обязанности главы группировки», как прописано в Уставе. После войны с «Изоляционными силами», согласно тому же Уставу, требовалось провести повторное голосование, чтобы закрепить за Турко право управления или избрать нового лидера. Но закон – что дышло! Рисковать он не хотел, а потому, дорвавшись до власти, сразу же провел «референдум» – народное голосование. На повестке – изменение некоторых положений Устава. Из документа вычеркнул несколько неугодных статей. Пустил пыль в глаза, предложив с десятков новых, что в теории могли улучшить солдатский быт. Все прошло гладко. Без всяких нарушений. Сказка!

Можно было так сильно не запариваться, но подполковник понимал, что не все в «Ударе» поддерживают его методы управления, хотя он вел умную политику кнута и пряника, чем и заработал поддержку большинства.

Когда устали от кровопролития, приказал отступить с Озер, а потом побрататься с «Анархистами». Ненадолго – что в первом случае, что во втором. Но многие ли смотрят в будущее?

Несогласных нужно переманить на свою сторону, нужно держать их поближе к себе, не забывая о щедрых наградах. Ненадежных и трусливых – запугать и загнать под плинтус, чтобы и твякнуть не помышляли. О перевыборах редко кто вспоминал. После победы в Припяти, после расширения сферы влияния и укрепления позиций «Удара» переизбирать подполковника не было никакого смысла.

Кто, если не он?

Кто, если не тот, при ком произошел настоящий расцвет?

Вот-вот.

С Чеховым разве что промашка вышла. Но куда же без этого?

– Совесть дурачок ты, майор, и мне тебя жаль. Вот правда, только тебя одного. Хорошим ты был специалистом, но забывчивым. Я же говорил тебе, что для меня нет ничего важнее власти. Я бы не позволил ее у меня отнять. Я же не они...

«Они» – это он про тех, кто сидел в этом кресле до него.

Андрейченко был гадким слизняком, который долгие годы пользовался его, Турко, напускной верностью. Юрий Захаренко был настоящим офицером, единственным из всех власть имущих в клане, кто действительно дослужился до звания еще на Большой земле, а не лично присвоил его.

Захаренко был любимцем публики. Он ставил благородные и поистине высокие цели. Их разделяли и рядовые бойцы, и ближайшее окружение генерала – его лучшие друзья...

...Турко и Андрейченко.

Тогда они верили в великое предназначение.

Крайне забавно, что Турко оказался причастным к гибели обоих.

Началось с того, что он, будучи старшим лейтенантом, помог Андрейченко прийти к власти. Определенную роль сыграла ревность. Захаренко, продолжая клясться в преданности, начал убирать своих друзей подальше от кормушки – подальше от такой желанной власти. Поговаривали, что генерал-майор раскусил гнилую сущность своих дружек, однако ничего не смог с ними поделать. Отдать приказ на убийство – это не в его стиле. Человечность Юрия сыграла с ним злую шутку. Если бы он приказал расправиться с Андрейченко и Турко, история пошла бы по совершенно иному пути. Только история – это такая штука, которая не терпит сослагательного наклонения.

Шла ожесточенная война группировок. В тот день Захаренко отправился на дальний блокпост на границе с Армейскими складами, чтобы прочитать речь перед боевым составом.

Рахман, не без помощи «казачка», посланного в ряды «Анархистов» самим Турко, узнал место, где появится шанс напасть на врага. Он не мог им не воспользоваться.

По официальной версии глава «Удара» остался героически защищать отступающих. Умалчивалось, что оставаться он не собирался. Захаренко не был трусом, но он думал о своих и понимал, что смерть основателя неизбежно бы уничтожила боевой дух тех, кто сражался на передовой. За него все решил старший лейтенант, когда пустил другу в грудь две пули, набитые дробью, – сработал дедовским обрезом. «Лупарой», как он его называл, своим излюбленным оружием.

Турко вернулся на базу с печальными вестями, а Андрейченко не растерялся и сыграл на чувствах бойцов, что потеряли веру в победу. Повел их за собой. За него проголосовали. Свой же парень, зарекомендовавший себя в боях. Люди охотно верят в небылицы, чем и пользуются всевозможные политики – такие, как Андрейченко, и такие, как Турко.

Андрейченко начал хорошо: навел порядок, пересмотрел кадровый состав и отомстил за смерть Захаренко, наказав якобы виновных пленных анархистов. Избрал иную стратегию управления, благодаря которой получилось установить шаткое, но все же перемирие между «Ударом» и «Анархистами». Нацелился на зачистку Зоны от бандитов, заявил, что нужно отдаляться от СБУ, чтобы вербовать в свои ряды простых сталкеров. В политике Андрейченко было множество проколов. Попытка захвата Зимовища – самая яркая из них. Но людей он устраивал. У «Удара» наконец-то появилась приземленная цель: зачистка Зоны от криминала. Не нечто сложное и труднодостижимое, как было при Юрии Захаренко. При Андрейченко закончилась крупномасштабная война, сдувшись до уровня локальных и незатяжных стычек. Остриженные бараны всерьез заявляли, что теперь-то, если Андрейченко не станет, группировка точно развалится. И что больше никто не сможет привести «Удар» к процветанию...

Вздор!

Турко был заместителем, он вечно болтался на вторых ролях, но в те дни его это как раз устраивало, поскольку тогда его бы не поддержали. Оставалось ждать подходящего момента. Подполковник слишком хорошо знал своего товарища. Он понимал, что рано или поздно поглощенный жадностью и эгоизмом Андрейченко, упиваясь безнаказанностью, совершит роковую ошибку.

Не ошибся...

Тот, кто умеет терпеливо выжидать, всегда достигает желаемого.

Случай представился. Андрейченко нужно было замести следы сотрудничества с торговцем Малининым – он стал отправлять своих же ребят на бойню, вновь развязав войну с «Анархистами». Война – это лучшее прикрытие темных делишек. Трупы-трупы-трупы – каждый день, каждый час. Трупы ради туго набитого кошелька. Они-то думали, что дохнут за великие ценности! Но все перевернулось, когда знаменитый наемник Коннор слил в Сеть всю подноготную. Она была похожа на правду. Однако кое-что, одна маленькая, но важная деталь, меняющая абсолютно все, так и осталась сокрыта от простолюдинов.

Очень вовремя это всплыло. Турко получал свой процент от теневого бизнеса босса, вот только висеть на дереве, как сейчас висели Рахман с Чеховым, ему не улыбалось. Пришлось вовремя подстраиваться под ситуацию. Разгоряченная толпа, похоронившая сотни своих боевых братьев, вряд ли стала бы разбираться, кто прав, кто виноват. Турко переметнулся и, возглавив эту самую толпу, повел ее к справедливости.

Он сделал все, чтобы не только остаться в живых, но и извлечь из ситуации максимальную выгоду...

В дверь постучали.

– Войдите, – пригласил Турко, отвлекаясь от мыслей и книги.

На пороге показался лейтенант Михаил Богомолов.

– Товарищ генерал! Засекли сигналы КПК Рэя, Скай, Огонька и Коннора, – отрапортовал он. – Коммуникатор наемника подавал сигналы до Зарядки, а сейчас сдох. Последнее местонахождение – Академгородок. КПК Скай отключился сразу после Зарядки, где-то в районе Края вечного лета. КПК Андрея активен до сих пор. Но он давно покинул Зону. Возможно ли, что это ловушка от выживших искателей из «Анархистов»?

– Исключено, я думаю. Может, он вернулся?

– Тут один выход – только проверить.

– Где его засекли-то?

– Зимовище.

– Отлично. Огонек?

– Край вечного лета, как и Скай. Но это еще не все. С нами связалась группа беглых бандитов с Озер. Утверждают, что пленили одного анархиста с каким-то пареньком без нашивок. Может, один из них. Обещают отдать их нам на нейтральной территории. Воевать не намерены.

– Хорошо, лейтенант, я доволен. Новости хорошие. Тогда слушай. В Академгородок, насколько мне известно, СБУ скоро отправит своих разведчиков. Попробуем узнать что-то через них. Касательно вас, лейтенант: вы пойдете в Зимовище. С вами я отряжу Лепехина и Лосева. Ваша задача – найти источник сигнала и устранить его. Если это Андрей – великолепно! Затем выдвигайтесь к Краю вечного лета. Огонек и Скай не настолько приоритетные цели, как Андрей, но постарайтесь покончить и с ними.

– Только мы втроем?

– Да, хотя в секторе будет задействована группа «Скиф». Их вертолет ночью поднимется с КПП «Зимовище». Это стандартная процедура. Зачистка местности от зверья. Я попрошу их обеспечить вам прикрытие с воздуха. Следующий вертолет взлетит под утро, чтобы закинуть разведчиков в Академгородок. Армия решила не жалеть денег после того, как стала массово терять защитников Родины. В том числе – и тех парней, для которых мы должны были расчистить путь на Болотах и Озерах.

– Понял.

– Я распоряжусь, чтобы Водопьянов выдал вам деньги. Соглашайтесь на условия бандитов. Мы с ними разберемся, но для начала надо удостовериться, что с «Анархистами» покончено раз и навсегда.

– Хорошо, я понял.

– Раз понял – выполнять!

Богомоллов, кивнув, скрылся за дверью.

А Турко вернулся к чтению.

И к мыслям о собственной важности.

* * *

До Зимовища можно было добраться несколькими относительно проверенными тропами. Лазить по неизведанным местам, когда солнце скрылось за горизонт, отряд не желал.

Путь по одной из этих троп, как водится, короткий, но довольно опасный – он через Свалку брошенной техники ведет, оканчиваясь легендарной Фермой. Второй – через Край вечного лета. В теории безопасный, но на практике подразумевает большой крюк.

Михаил Богомоллов – лейтенант, возглавивший маленький отряд, срочно сформированный по распоряжению Турко, выбрал идти через Ферму. Время играло против них. Само дьявольское место можно обойти.

«Совхоз имени В. И. Ленина» – монолитный, когда-то выкрашенный в кумачовый цвет знак, окольцованный колосками, встретил троих мужчин, вооруженных модифицированными

«калашниковыми» с подствольными гранатометами и тактическими фонарями, свет которых и выхватил эту надпись.

Рядовой Александр Лепехин разложил топографическую карту местности на капоте «УАЗа» с открытым верхом, на кузове которого под ржавчиной и копотью еще просматривалась символика «Удара». Внедорожник когда-то принадлежал известному в клане Егору Жигулину, трагически погибшему в ходе выполнения поручения особой важности от генерала Андрейченко. Что это было за поручение? Никто до сих пор не знает. Турко обещал снять гриф секретности с бумажек о делах Андрейченко, но так и не сделал этого.

– Смотри сюда, Миша, – провел рядовой пальцем по красной черточке. – На мой взгляд, надо идти через этот пролесок. Да, сканеры зафиксировали примерно... вот тут... большое скопление аномалий, но мы, если пойдем тут, к ним и не выйдем. Сделаем крюк в полтора километра, да, сунемся в не совсем хоженные места, зато оставим Ферму. Всяко быстрее, чем через Малинина бы поперлись. Лично я не хочу рисковать. Солнце скоро сядет. Потерять два часа в такой ситуации не так уж страшно, из леса мы выйдем еще засветло.

– А если уйдет?

– Все время, что мы в дороге, сигнал его КПК продолжал и продолжает поступать. Он никуда не денется, раз до сей поры не делся. Только идиот пойдет куда-то в ночь. Так он разве что облегчит нам задачу.

– Не хочется терять драгоценные минуты.

– Но мы же не хотим облажаться? – Лепехин сделал акцент на конце предложения. – Сейчас каждый боец на вес золота. Турко тебя по головке не погладит, если нас с Лосевым погубишь.

Молчаливый Лосев только кивнул, соглашаясь с сослуживцем.

– Ты прав. – Богомолов хлопнул ладонью по джипу. – Делаем, как вы скажете.

– Вот и славно!

Совхоз, который после Второго взрыва по какой-то неведомой причине облюбовали дикие животные, остался в стороне. Отряд направился к изуродованным радиацией деревьям. На легендарной Ферме разом заржали все лошади, предвещая беду.

* * *

Здесь указатели – отдельный и уникальный элемент унылого пейзажа, что, можно сказать, подчеркивает ту самую неповторимую атмосферу безрадостных и серых радиоактивных земель, которую так любят воспевать сталкеры в своих байках и даже песнях, слагаемых ими от скуки в лагерях.

Покосившиеся трухлявые ножки изо всех сил держали белые, хоть и усыпанные рыжиками, полотна с черными, почти стершимися от времени и непрекращающихся кислотных дождей буквами. Эти полотна стояли на своих столбиках по разные стороны от уничтоженных временем дорог, грустно приветствуя путников на подходах к очередной заброшенной деревне, к очередному покинутому городу, напоминая таблички с именами усопших на гранитных могильных плитах.

Только почему напоминая? Так и было! Что такое Зона? Это одна большая могила. Стала ею задолго до того, как в этих краях вспыхнула первая смертоносная аномалия. Здесь, в далеком восемьдесят шестом году, были вдребезги разбиты мечты о мирном атоме. Вслед за этим были похоронены надежды и стремления десятков и сотен тысяч людей. Гордое и сильное государство под красным знаменем споткнулось на пути к своему великому и светлому коммунистическому будущему. И здесь же, спустя двадцать один год после той самой роковой ночи, разверзся самый настоящий ад.

Лейтенант Михаил Богомолов, когда был пузатым и несмышленным школьником, вычитал в учебнике по истории, что в стародавние времена на Руси названия деревень, как правило, происходили от распространенной среди жителей фамилии. Воспоминание об этом навело на молодого солдата тоску, только усиливая его ассоциации с кладбищем.

«Названия хранят в себе тайны о событиях и людях прошлого, – думал он, замерев с биноклем. – К целым родовым линиям! Сколько же секретов сокрыто под толщей исторического забвения...»

– Лейтенант? Ау! – шепотом проговорил рядовой Лосев, подойдя к своему командиру. – Ты как, в порядке? – Он щелкнул пальцами у того перед лицом. – Прием!

– Я в порядке. – Богомолов взялся за бинокль, в окуляры которого рассматривал окрестности несколько минут назад. – Задумался...

– Вот и славно, что всего-то задумался. А то я смотрю – уставился в одну точку. Подумал, может, пси-аномалия какая-нибудь тебе мозги прокипятила. Пистолет вот достал, мало ли, стрелять бы пришлось.

– Когда ты молчишь, ты нравишься мне больше. Что это за мания у тебя – все ждать повода, чтобы засандалить мне пулю в башку?

– Ты извиняй, друг. Не могу простить тебе тот проигрыш в покер.

– Ах, вот оно что...

– А чего ты высмотрел-то, чего задумался?

– Ничего. Мы прошли Элеватор. До Зимовища отсюда уже рукой подать. Но мы слишком долго в пути. Без отдыха уже целый день и полночи. Предлагаю сделать привал. Буквально минут на пять-десять, чтобы перекусить и проверить оружие со снарягой. Мы точно не знаем, что нас там ждет.

– Как это не знаем? – это говорил уже Лепехин. – Андрейка нас там ждет, тепленький и готовенький, но после нашей с ним встречи он станет холодненьким.

– Или он нас порешает, он же Рэмбо хренов, – отчеканил Лосев.

– Погоди перебивать, Лосев.

– Да, не каркай, Лось!

– Ой, да пошли вы оба.

– У меня погончики посolidнее твоих будут...

– Замолчал.

– Молодец. Так вот, со мной недавно связался по рации Турко. Он передал, что наш специалист зафиксировал сигнал еще двух устройств в Зимовище. Мы пока не можем воспользоваться услугами Службы Безопасности и позвать на подмогу их боевой вертолет. Экипаж занят зачисткой. Оторвется от нее только при крайней необходимости, а пока такой необходимости нет. У нас преимущество. Сталкеры в лагере не знают о том, что мы идем за ними. Трое на трое. Только мы воспользуемся фактором внезапности.

– Правильно мыслишь, командир.

– Где устроим привал? – спросил Лепехин.

– Я присмотрел местечко. – Богомолов снял автомат с предохранителя и жестом указал на продырявленную пулевыми отверстиями «буханку», что одиноко ржавела посреди поля. – За мной!

Глава 3

Цена спасения

Холодный ветер – безраздельный хозяин проклятых земель – продувал Зимовище так, что троица временных обитателей деревушки сгруппировалась у костерка, стоя по разные стороны от бочки.

– Знаете, ребят, так хочется, чтоб все было как прежде, – поделился своими размышлениями Музыкант. – Словно деревушка-то жива, а все просто разошлись по домам спать, и лишь мы после долгого рейда собрались у костра обмыть ходку. Никто не хочет беленькой, кстати?

– Давай хлопнем стопарик, – согласился Лешка. – Андрюх, а ты как?

– Можно. Но не больше.

– Вот это хорошо! Вот это правильный подход! – Музыкант достал из рюкзака пластиковые стаканчики, раздал товарищам. – Потом разолью кофейку какого или чайку, у меня с собой аж два термоса. Уже, конечно, подстлыло все, но вроде тепленько еще. Я перед самой вылазкой кипяток залил. Бог с ним. Ты как, сынок, держишься? – Он глянул на Андрея, плеснув тому водки на доньшко. – Может, помочь чем?

– Все хорошо, – отозвался Андрей. – Благодарю, – и сразу хлопнул.

– Фига себе! Даже закусывать не будешь? – хохотнул Лешка.

– Закурю. – Рэй забрал из пачки последнюю сигарету.

– Мы по старинке. Закусить только хлебец остался. Держи, Алексей. Давай, за благословение нашей матушки Зоны! Будем!

– Будем!

Друзья выпили. Захрустели безвкусными хлебцами.

– Спросить хочу. – Андрей выпустил струю густого дыма. – Вы спасли меня. Зачем? После того, что случилось на базе «Удара», я не думаю, что подполковнику Турко захочется, чтобы в живых оставался хоть кто-то, кто мог бы ему отомстить. Думаю, вы могли бы озолотиться, если бы пристрелили меня, а потом принесли мое тело к воротам «Удара». Но вы потратили на меня дорогой артефакт. Черт, да НИИАЗ его у вас за огромные деньги купил бы!

– Если НИИАЗ когда-нибудь возродится...

– А?

– Точно, ты и об этом не знаешь. НИИАЗ был разрушен, Академгородок уничтожен, часть ученых успели эвакуировать. Но как скоро восстановят Академгородок? Да и восстановят ли? Возобновит ли государство программу финансирования наших лучших умов? Вот и я не знаю. Спасибо, – поблагодарил Лешка Вадима, принимая из его рук теплый кофе.

– Что произошло?

– Тебя давно в Зоне не было, да?

– Ну, типа.

– Несколько месяцев назад сталкеры стали замечать странных существ. Мутантов. Откуда они взялись – никто не знает. Как из-под земли вылезли. Версия такая самая популярная: мол, слухи о каких-то подземных лабораториях оказались правдой. Эй, Андрей, ты не перебивай! Я тоже сначала думал, что это бред чистой воды. Но нет. Откуда-то же эти твари явились по наши грешные души.

– Мутантов не существует...

– Вспомни восьмой год. Первые искатели сталкивались с чем-то подобным ближе к центру Зоны. Тогда еще Юра Захаренко со своими людьми охотились на них. Они их и уничтожили, заработав нехилый авторитет.

– Печально слышать, – хмыкнул Андрей. – У меня среди ученых были друзья. Коннор и Скай. Надеюсь, они эвакуировались. А финансирование попрет. Скоро все восстановят. Были такие случаи. Эй, а ты, Лешка, как-то хорошо осведомлен обо всем, что творится и творилось в Зоне. Давненько здесь, что ли?

– Не-а, просто умею пользоваться сталкерской сеткой и периодически читаю чат. Хочу о нашей доле книгу написать, но честную, документальную, а не под маской фантастического боевика. Опыт в прошлом есть, мы с Вадиком...

– Мы с Вадиком – что?

– Это я так...

– Скажи ему, Леш, раз завел шарманку.

– Мы с Музыкантом служили в «Ударе». После казни генерала Андрейченко ушли. Добровольно. Не хотели больше. Ты уж прости, что сразу не сказали, но ты же анархист, пускай и в прошлом. Мало ли, как отреагировал бы в свете недавних событий. Мы всегда были там на вторых ролях, даже в боевых операциях участвовали крайне редко, но потом нам стало невыносимо исполнять приказы. Стало тошно от того, что идеи наших основателей были похоронены, а на их смену пришло обогащение лидеров клана. Андрейченко и Турко – это две стороны одной медали. Ничего нельзя изменить, свергнув лишь одного человека. Тут всю верхушку вырезать нужно, а не предводителя. Но мы не об этом говорили. А о том, почему тебя спасли. Скажу честно, я предлагал Вадик у бросить тебя умирать. Не тратить на тебя драгоценный артефакт и не рисковать своей жизнью, но Вадик у нас шибко правильный и человечный.

– Да, шибко правильный и человечный. – Вадим поделился с Андреем чаем, как тот и просил. – Я говорил Лешке, что, поступив так, я хотя бы буду знать: когда мир покатится в пропасть, я не полечу вслед за ним. Кажется, мы стали забывать, что такое сталкерское братство. Только так можно выжить, друг за дружку держась, а не стреляя в каждого, кто с другой нашивкой. Или обрекая брата на верную смерть. Я увидел шанс помочь – я этим шансом воспользовался. И дело не в том, что НИИАЗ разрушен и я не смогу продать артефакт. На Большой земле много желающих прикупить всякого барахла из Зоны, черный рынок на этом неплохо живет. Ну и что с того?

– А что насчет награды за мою голову? Вы так и не ответили. Я уверен, какое-то время можно было бы безбедно существовать.

– Не убили мы тебя и не убили, Андрей. Чего прицепился? Сейчас тебя укокошить, что ли? Говорю, держаться нам нужно. Всем вместе. В такие-то времена, когда один бандит прикрывается великими идеалами и вершит самосуд над сталкерами, нашими братьями, пускай и в темно-зеленой форме, пускай и со словами «Анархия» на плечах вместо погон. Не хочу даже вспоминать об этих козлах, не теперь. Я вольный искатель, я помог другому вольному искателю выжить. Все. Конец истории.

– Мужики, у меня «бэха» есть, тридцатьчетверка. – Андрей выцепил в кармане куртки ключи. – В идеальном состоянии, я ее реставрировал, влил просто немисливо денег... – Полез за документами. – Какой-нибудь коллекционер за нее нехилые бабки отвалит, как и я когда-то. Или себе оставьте. Это меньшее, чем я могу вам помочь. С переоформлением решим попозже...

– Раз не понимаешь слов... – приблизился Музыкант, – придется на твоём языке...

Молниеносная подсечка сбила Андрея с ног. Ударившись оземь спиной, сталкер зашипел от боли, закашлялся, поднял растерянный взгляд:

– Какого?.. За... кхе-кхе... за что?

– За то, что слов не понимаешь. Не надо нам от тебя ничего. Просто помоги потом другому человеку, попавшему в беду. Так вернешь должок.

– Знаешь, а ты дикий, Вадим, – заметил Лешка. – Он же весь чай разлил. Снова! Транжиришь драгоценный напиток на этого неблагодарного. А нам еще до лагеря шагать целый день.

* * *

На Зимовище окончательно опустился непроницаемый ночной мрак, и лишь маленький сталкерский костерок, вокруг которого сгруппировались трое бродяг, был лучиком света в темном царстве.

Искатели целый час беседовали о том о сем. Рэй довольно быстро позабыл о фокусе, что выкинул Музыкант. Мужик-то он правильный, с понятиями. После слов о том, что всегда нужно поступать по-человечески, предложение анархиста можно было расценить как оскорбление. Чтобы загладить вину за то, что вспылал, Музыкант подарил Андрею новую, полную пачку дорогих сигарет. На том и сошлись.

– Что за чертовщина в этот раз была вместо Зарядки? – Лешка уткнулся в экран «наладонника». – Сейчас читаю, сталкеры со всей Зоны пишут, что локации накрывало не поочередно, как обычно, а... блин, даже не знаю, как тут объяснить. В смысле, мы же все понимаем, как оно происходит. Выброс аномальной энергии идет с центра, разливаясь волной. Чем ближе к границам – тем меньше последствий. А в последний раз выбросы аномальной энергии происходили по всем секторам. По отдельности, смекаешь? С разбросом в несколько минут или часов, чего никогда не было. Где-то раньше, где-то позже. Не в одно время, не волной, как обычно. Академгородок накрыло ранним вечером, здесь, в Зимовище, это случилось под ночь, а базу «Удара» задело ближе к утру, когда Турко вывесил тела Рах... тела казненных. В чате множество сообщений о погибших или пропавших без вести. Из Припяти, где обосновалась часть «ударовцев», никаких вестей, их сослуживцы в панике. Кое-кто из выживших в городе успел откликнуться сразу после Зарядки, сообщив, что город окружило плотное кольцо аномалий и теперь оттуда не выбраться. Но больше ничего, глухо.

– Мне всегда нравилось считать, что мертвый город сам решает, кого впустить. Нравилось считать, что он живое существо, как и сама Зона, – философствовал Музыкант в ответ. – Вспомните, совсем недавно к Припяти было не подобраться. Искатели уходили и не возвращались. Гибли на подступах к городу. А потом пошли слухи, от вас же, что какой-то неумелый гражданский, школьный учитель, нашел дорогу. Как оказалось, в Припяти засел целый отряд вооруженных боевиков. Потом «Удар» подмял там все под себя. Опять же – никакого сопротивления со стороны Зоны. А теперь вот. Если это правда, Леш, они оттуда не выберутся. Возможно, после следующей Зарядки, если она не усугубит положение. Зона наказала их за то, что они совершили под своей крышей.

– Хватит, Музыкант. Зона – не живое существо. Это все фантазии. Просто так уж получилось. Не нужно наделять божественными силами любую непонятную нам хрень. Зона – это на сто процентов результат какого-нибудь вышедшего из-под контроля эксперимента. Что-то в таком духе. Ну, еще разве что как в той теории заговора – результат высадки пришельцев. Я в это больше поверю, чем в божественную сущность.

– Обойдемся без споров. Так что ты решил, Андрей?

– Я не знаю. Посижу еще часик, сил наберусь, а потом попробую начать поиски. У меня осталось одно незаконченное дело.

– Мы можем как-то помочь?

– Нет, не нужно. Я справлюсь. Понимаю, что потерял пару суток, но мне нужно добраться до его дома, чтобы удостовериться, что он жив. Либо...

– Его могли поймать и военные. Кто знает, какая судьба ожидает паренька в таком случае? – Леха почесал щеку. – Если тебя это утешит, я, честно, соболезнаю тебе. Не представляю, как ты держишься.

– Благодарю, брат. На КПП «Зимовище» служат Антипин и Гусляков. Если они все еще те, кого я когда-то знал, они не дадут пацана в обиду. Только бы он добежал, не вляпался.

Уверен, они постараются во всем разобраться. Вряд ли они будут задерживать, калечить или убивать ребенка.

– Ну, не скажи, Гусяков та еще мразь.

– Гусяков мразь по отношению к нам, сталкерам. Так происходит потому, что он очень идейный и принципиальный, вот. Мы – преступники, он – закон. Но он не детоубийца. У него есть совесть и честь.

– Лично знаешь?

– Когда-то знал. Мы выросли вместе. Он тоже, можно сказать, из местных. Лет пять назад, сволочь, отправил меня в тюрьму на полгода. Весело нам было. – Андрей позволил себе улыбнуться. – Про Антипина наслышан. Не все в СБУ подонки, как и не все сталкеры святые. Правда всегда где-то посередине. Не стоит поддаваться эмоциям, анализируя какую-либо ситуацию.

– Ты из местных?

– Тут деревня, километрах в двадцати от Дитяток, где моя бабушка жила. На лето родители туда и привозили. Там с Гусяковым познакомился. Его любимой игрой были солдатики, вот он и поперся на границу, охранять то ли нас от Зоны, то ли Зону от нас. Не знаю, почему он так и остался в лейтенантах, почему не выслужился, но вот. Меня он помнил. Вспомнил, когда вязал. Такие дела. В Дитятки тоже катались на велосипедах, тут я Рахмана и встретил. И Олю. Как будто сама судьба свела нас. Но только для того, чтобы так жестоко разлучить...

– Можно считать, местный! На родные земли понесло. Андрей, а после того, как найдешь Кирилла, что ты будешь делать?

– Убью как можно больше тварей из «Удара».

– Тот, кто ищет возмездия, должен копать две могилы.

– Не надо моралей, Музыкант.

– Я просто предупредил. – На какое-то время повисло молчание, которое, однако, сам Музыкант и нарушил: – Слушай, ты хороший мужик. Прежде чем ты уйдешь, я бы хотел спросить у тебя совет. Ты как, музыку любишь?

– К чему ты спрашиваешь? – Андрей осекся. – Музыкант! До меня не дошло. – Он только сейчас заметил, что за спиной лысого мужчины, прислоненный к стенке строительной будки, стоит гитарный кофр. – Любитель? Профессионал?

– Вадик у нас на Большой земле выступал. В барах всяких! – похвалился Леха. – Я ему говорил, что он не хуже этого трехбуквенного... как там его... Шевчука, во...

– Э! Ты на Шевчука не газуй! – осадил Музыкант друга.

– Да я ж любя! Так вот, говорил ему, что он душевнее где-то того же Васильева. Но он не верит. Вот и похерил свою карьеру, поперся в Зону тут хренотень блатную на базе «Удара» играть. Что ж, черт с тобой, Вадик.

– Я любитель, – объяснил Музыкант. – По молодости, после армии, играл в рок-группе. Мы себя тогда считали новой волной, но выступали где придется. Иногда доводилось в домах культуры устраивать шоу. Тогда, в Союзе в конце восьмидесятых, с этим было попроще. Потом уже все похерили. Здравствуй, великий и ужасный капитализм! Сейчас домов культуры тех не осталось, как и клубов. Даже самых захудалых, сельских. Денег на выступления у нас не было, мы так и не сколотили хорошую базу поклонников. Мыкался то тут, то там, играл по мелочи. Работал много где, даже в органах и силовых структурах, но в той жизни себя так и не нашел. Решил в этой попробовать. Про свое старое увлечение не забыл. Начал стихи писать, под музыку их, в общем. Так и исполняю. У меня стих есть, старый еще, в девяностые написал. Недавно под песню его переделал. Ты послушаешь? Скажешь, как тебе? Это недолго. Потом мы дадим тебе припасов в дорогу. Можем и до блокпоста довести...

– Нет, одному будет незаметнее. Если хотите помочь, дайте пистолет. Мне с ним спокойнее будет. Вадим, я послушаю. Налей еще чайку, пожалуйста. И можешь начинать.

– По рукам.

– А не опасно играть так, в ночь?

– От живности тут местность вояки частенько зачищают, а бродяги в Зимовище не суются. Бандиты попрятались по норам. Может, есть залетные, но, сынок, я тут поддержку моего друга Сашку, царствие ему небесное. Он как-то сказал, что только самый настоящий отморозок выстрелит в гитариста на привале.

– Ну-ну. Все равно не особо громко горлань, пожалуйста.

* * *

Вадим сосредоточенно настраивал гитару, подкручивал там что-то.

– Начнем, пожалуй. – И его пальцы побежали по струнам.

Заиграла довольно простая, но оттого и красивая мелодия. И Музыкант запел:

– Мне показалось: мир погиб...

Кругом белым-бело.

Я видел страшный черный гриб...

Мой дом теперь – стекло...

Андрей почувствовал, как в уголке его глаза начала собираться влага. Но не столько из-за слов, сколько из-за пробирающего до мурашек сочетания нот. А Вадим продолжал, повысив голос:

– По небу вьются облака,

Кислотным льют дождем,

Гноится кожа на руках,

Но мы еще живем.

Богач всегда имеет хлеб,

А бедный – ничего!

Обезображен он, ослеп

От взгляда твоего.

Взгляни на небо, там печаль

И горе всех людей!

А может, и иная даль,

Что сохранит сто дней...

«Как играет-то... так просто... и так душевно...» – Андрею захотелось во что бы то ни стало оказаться сейчас рядом с Олей, обнять ее, сидеть так на берегу реки, перебирать в пальцах ее шелковистые волосы, мечтая о лучшем будущем...

– А нас осталась – капля лишь

Живая в море слез,

Зачем на Землю, зло, спешишь?

Ответь на все, Христос!

Последний путь, последний бег.

Я песню допою.

Затем паду на серый снег,

Но в небо вновь смотрю...

Допевал он, понизив тембр голоса:

– Там проплывают облака,
Пророча ураган.
Растайте, льдины и снега,
Скажите: я ведь спал?²

Затем проигрыш.
И повторение «Последнего пути».

* * *

После выступления Вадим выслушал похвалу от Андрея, а потом, застенчиво улыбнувшись, протянул ему два грязных пистолета.

– Держи. Только протри их какой-нибудь ветошью. Нашел в этой же деревне. Один из них, я так понимаю, твой, если не два сразу.

– Благодарю. – Андрей принял пистолеты, засунул их в карманы куртки.

Музыкант снял с плеча автомат:

– Как тебе, а? «Ксюша»! Нашел в «Газели». Три полностью заряженных магазина. Больше не было. Ты прости, сынок, но из своих запасов выдать не могу, почти ничего не осталось.

– Благодарю за помощь.

– Вот еще, возьми вещмешок. Там еда, вода и таблетки. Совсем немного, но на день-другой должно хватить. Все из той же «Газели», нам ты ничего не должен. В ближайшее время, не забудь, смени бинты и повязку на глазу, промой себе раны. Там и перекусить есть, хлоргексидин еще. Будет жечь, особенно глаз, но без этого никак. Задумайся о том, чтобы погоняло сменить. Какой ты Рэй? Ты теперь Одноглазый Джо!

– Совсем не смешно.

– Ой, да ладно тебе.

– Пора прощаться.

– Пора. Иди сюда.

Они по-братски обнялись, постояли так около минуты.

– Хочется верить, что еще увидимся, Музыкант.

– Если веришь, то обязательно свидимся.

– Спасибо вам за все. Хорошие вы ребята. Берегите себя. Пока, Вадим. Я перед вами с Лешкой в неоплатном долгу. Век не забуду.

– Андрюх... – Лешка кашлянул в кулак. – попрощался с Вадиком? Давай пройдемся немного. Есть о чем переговорить с глазу на глаз... – Он осекся. – Прости, не подумал...

– Все в порядке. Как скажешь.

* * *

Лешка сорвал травинку, пожевал ее, выплюнул и прижался плечом к дряхлому деревянному забору.

– Не хотел этого говорить, когда мы рядом с Вадимом были. Но сказать должен, приятель. Я понимаю твои чувства, я понимаю, что ты хочешь восстановить справедливость и заставить

² В. А. Кузнецов. Мне показалось. 1992.

«Удар» расплатиться за содеянное зло. Не мне учить тебя жизни, и все же послушай, пожалуйста, доброго совета...

– Извини, Леш, но когда люди дают мне советы, они говорят сами с собой, – отмахнулся Андрей. – Если это все, что ты хотел сказать, то мне пора...

– Послушай! В знак уважения! За то, что я не отговорил Вадима спасти тебя.

– Ну?

– У нас с Музыкантом последняя ходка должна была быть. Мы хотели слить «живчик», пособирать мелкие арты на Свалке, ведь там сейчас немногочисленно, побродить по окрестностям, поискать чего ценного. Потом продать все найденное, все оружие, всю экипировку и весь найденный хабар. И уйти. Навсегда. Понимаешь, к чему клоню?

– Не совсем, если честно.

– Сразу после Зарядки я просканировал местность на аномалии. Здесь, в Зимовище и всех прилегающих местах, практически до самого Края вечного лета, считай, чисто и безопасно. Старые ловушки рассосались, новых появилось совсем чуток. Актуальную карту с отметками я уже загрузил в твой коммуникатор, пока ты там храпел на всю округу. Это так, между прочим. К чему я? Я просматривал чат, искатели говорят о небывалом всплеске аномальной активности. Там, в дальних уголках Зоны. И нам, Рэй, придется идти вглубь, в наш лагерь. Ты еще про бандитов не забывай. Про сталкеров нечестных. В Зоне ты каждый день рискуешь. И это не беря в расчет аномалии, диких зверей и мутантов. Я Вадима выручал множество раз...

– Ты можешь наконец сказать, чего ты от меня хочешь?

– Невежливо перебивать.

– Тогда поменьше воды...

– Как скажешь. Если бы мы ушли, то больше не рисковали бы своими жизнями, не боялись бы погибнуть. Неизвестно, что случится с нами сегодня или завтра...

– Связи не вижу, как и сути претензии. Я предлагал вам машину. Она стоит неплохих денег. Мое предложение в силе. Могу и наликком заплатить, но тогда придется топтать со мной через КПП, а я не хочу, чтобы мы втроем засветились.

– Дурак ты. Твоя машина не стоит столько, сколько стоил бы «живчик». Вадим у тебя никогда ничего не возьмет. Поэтому успокойся. Я не намекаю на то, что ты должен мне отбашлять. Просто пообещай мне. Ради Вадика, ради меня, в благодарность за то, что мы тебе помогли. Пообещай, что не будешь лезть на рожон. Пообещай, что не будешь рисковать. Что найдешь в себе силы жить дальше, а не выживать. Не дай бог, конечно, чтобы с нами что-то случилось, но, блин, если случится, то тебе, считай, Вадим свою жизнь подарил. Врубаешься? Поверь, я знаю, каково тебе сейчас, но...

– Ты ничего обо мне не знаешь...

– Вот сейчас ты закроешь свой рот, пока я тебе не навалял! Ты думаешь, ты один терял близких людей? Друзей и любимых? Что ты такой уникальный? Хрена с два! Мои родные братья лежат в могиле! Они все погибли, когда мне было пятнадцать лет! Только меня, маленького и испуганного, вытащили из той перевернутой машины! Мои друзья лежат в земле Зоны! Их поубивали на хрен в стычках с «Анархистами», бандитами с Озер, при попытке захватить Зимовище! И только Бог знает, из-за чего еще! Мне знакома боль утраты! Я знаю, что ты чувствуешь! Так что не смей такое заявлять! Ты не уникален в этом! Но неважно. Неважно же, бляха-муха. Я прошу тебя не совершать безрассудных поступков, вот и все.

Андрей пробурчал что-то невразумительное.

Двинулся вперед.

– Эй! – донеслось в спину. – Ты так просто уйдешь?

– Да! – Анархист остановился. – Я так просто уйду! – оглянувшись, выкрикнул он. – Извини, не хочу тебе лгать. Ты слишком хороший человек, а хорошие люди не заслуживают

вранья. Лешка, я не могу остановиться. Еще раз – благодарю за помощь. И напоминаю, что вы в любой момент можете рассчитывать на меня, только попросите. Все что угодно. – Он вернулся. – Спасибо тебе еще раз.

– Пошел ты... – Лешка немного помолчал. – Разве еще недостаточно крови пролилось?

В ответ – гробовая тишина.

– У тебя в коммуникаторе вся информация о том, как нас с Музыкантом найти в Сети. С любого устройства. Мой номер телефона – там же. Вместе с номером Вадима. Вадим у нас специалист по электронике, что угодно сделает. Нужна будет помощь – обращайся. Коль на Большую землю выберемся. Перепиши всю информацию да выкинь куда-нибудь коммуникатор. Купи лучше новый. Ты, я думаю, прав. «Удар» возьмется за недобитков. Инсценируй свою смерть, выбрось устройство в аномалию. Только карты мои перекинь на новое. До следующей Зарядки они актуальны. Или мне напиши, скину еще разок. Или местность сам просканируй, чат почитай, отметь точки, где кто там чего замечал. Чай, не маленький, разберешься.

– Благодарю.

– Когда эмоции улягутся, подумай над моими словами. Надеюсь, ты найдешь своего паренька и потом не наделаешь глупостей.

– Я должен его найти. До встречи, сталкер. – Андрей протянул Лешке ладонь.

В этот момент раздался оглушительный хлопок, и из разорванной пулей шеи Лешки хлынула кровь.

* * *

Никто из собеседников не сообразил, что произошло. Первые секунды Лешка просто стоял, не понимая, почему же воротник его защитного комбинезона стал теплым и мокрым от крови, а тело перестало его слушаться.

Андрей же, отойдя от шока, вскрикнул и машинально кинулся товарищу на выручку.

Лешка попытался сделать шаг, но не смог – споткнулся, словно зацепившись за что-то.

– Сука! – донеслось будто бы издалека. – Кто?!

Кричал Андрей, хотя сам и не осмыслил этого. За ругательствами – ослепительно-яркие вспышки автоматных очередей. Анархист сдернул с плеча автомат и послал с десяток пуль в то место, откуда, по прикидкам, прилетела снайперская пуля.

Ему в ответ – еще два выстрела, но не точных, а выпущенных наобум.

* * *

«Вздохнуть... вздохнуть бы! – кричало сознание. – Надо постараться, надо только сделать вдох!»

Однако даже маленький глоток живительного кислорода – это не для него. До Лешки стало доходить, что он медленно и мучительно умирает...

Рэй скрылся в руинах. Своего боевого брата сталкер вытаскивать не стал. Чем ему поможет?

Веки налились тяжестью. Практически ничего не видя и задыхаясь от собственной крови, Лешка перевернулся на спину и потянулся к кобуре на поясе. Пальцы еле двигались, но он сумел расстегнуть клапан и сомкнуть их на рукоятке «стечкина».

– Еще живой... – сказал незнакомый голос. – Но это не «Анархист». Указания?

– Я добыю его. Ищите остальных. Умерщвлять всех. Свидетели не нужны.

Лешка хотел что-нибудь сказать, что-нибудь красивое и пафосное, что-нибудь запоминающееся, вот только ничего не сказал – лишь хрип вырывался из залитого кровью рта.

– Прости, ошибочка вышла... Блин, а морда-то у тебя какая-то знакомая...

Боец не позволил Лешке красиво отыграть финальный аккорд, прервав его попытку поднять АПС безжалостным ударом клинка в грудь.

Глава 4

Aut vincere, aut mori³

Хлипкий деревянный одноэтажный домик, ставший единственным возможным укрытием для Андрея, за считанные секунды превратился в решето, когда трое «ударовцев», окруживших его, открыли перекрестный огонь из своих навороченных автоматов.

Анархист, точно находясь в дорогом голливудском блокбастере, извивался ужом и перебежал из помещения в помещение, пока вокруг него летали осколки стекла или щепки вперемешку с пылью. Выскочив в большую комнату, Андрей опрокинул книжный шкаф рядом с кроватью, после чего и забился под эту самую кровать. Пули выбивали пух из матрасов, крушили уцелевшие вазочки, стаканы и кружечки, спрятанные за стеклянной дверью мебельной секции.

– Мать твою! Твою мать! – ругался он.

«Калашниковы» замолкли – стрелкам пришлось прерваться на перезарядку. Рэй выметнулся из-под кровати и, запрыгнув на печь, вжался в стену.

Автоматы вновь загрохотали. Андрей молился, чтобы его не задело. И, кажется, его молитвы были услышаны – пули ложились рядом, но не достигали своей цели. Нападавшие стреляли вслепую, на радость беглецу.

– Подствольными! – услышал бывший анархист, когда в очередной раз стихло. – Заряжай!

У него оставалось несколько секунд, чтобы угадать, какая из сторон дома осталась без наблюдения. Такой шанс – один на миллион, но другого у него не было. Да и что значит «осталась без наблюдения»? Он даже не знал, сколько человек окружило его!

Искатель сполз с печи.

Подоконник был совсем рядом. Андрей, сообразив, сгруппировался и заскочил на него...

– Огонь!

Помещение расцвело ярко-оранжевым цветом.

В тот самый миг, когда он уже выпрыгнул в окно, его обдало нестерпимым жаром.

* * *

Лейтенант Михаил Богомолов зажмурился и присвистнул, когда три заряда, что были выпущены из подствольных гранатометов, взорвались в комнатах, разнеся дышащую на ладан хибарку.

– Побережь гранаты! – приказал он. – Очередями! До опустошения магазинов! Берите ниже, ближе к фундаменту! У него не должно остаться никаких шансов! Выполнять!

Застучали автоматные очереди, перекрыв треск пожираемых огнем бревен и досок.

– Стоп! Отставить! – распорядился лейтенант, опуская кипящий оружейный ствол. – Молодцы, парни!

– Богомолов, мы поищем третьего, а ты убедись, что в доме никто не выжил.

– Так и поступим. Вопросы? Нет? Вперед!

«Не должен я. Эх, нельзя так. Но, с другой стороны, не я же лично буду их всех мочить, – мысленно успокоил себя Богомолов, потянувшись за рацией. – Не я же...»

³ Или победить, или умереть (лат.).

* * *

Музыкант чертыхнулся и прижался плечом к холодной металлической стенке строительной будки, вооружившись пистолетом-пулеметом «МР-5» с глушителем.

Неопределенность пугала до глубины души.

Когда Вадим услышал первый хлесткий выстрел, он побежал на шум. Но остановился, заметив три крепкие мужские фигуры, которые спустились с холма и едва ли не в упор расстреляли домик. Пришлось затаиться. Нельзя было выходить на них в открытую. В честном бою он не вывезет – не та боевая подготовка.

«Лешка, Андрей! Надеюсь, вы смогли уйти! – взмолился Музыкант. – Зачем вы отошли от лагеря?! Идиоты! И кто это напал? Военные?! Вряд ли! Они обычно арестовывают, а не стреляют. Только если уж совсем все плохо! Когда искатели дают отпор!»

Грянул гром.

* * *

Андрей заполз в безлиственные кусты. Там и залег. Ветки бы никогда не защитили его от пули, зато они могли послужить маскировкой – не ахти какой, но выбирать не приходилось. Лучше так, чем отлеживаться во дворе, где благодаря пожару выжившего счастливчика заметно за версту.

Шаги главаря шайки мародеров он слышал довольно отчетливо, даже несмотря на легкую контузию. Рэй принял «Удар» за бандитов – и был недалек от истины.

– Сдох, похоже...

Вражеские налобные фонари прочесывали округу, хищным взглядом впиваясь в кусты. Еще чуть-чуть, и Рэя засекут. Анархисту повезло – если так можно выразиться – потерять правый глаз. Не пришлось переучиваться, левым целиться было плюс-минус удобно.

– Лосев, со мной!

Несмотря ни на что, Андрей сработал грамотно. Он без нервов присел на одно колено, мгновенно вскинул оружие и потянул спусковой крючок...

* * *

Вадим утер выступившую испарину и выглянул из-за угла.

Он слышал грохот.

Сейчас его едва ли не ослепил полыхающий на всю округу дом.

– Мать твою...

В отблесках пожара Вадим видел фигуры карателей, что стремительно приближались к нему.

– Не подведи, – шепнул Музыкант, поглаживая приклад. – На тебя вся надежда... – Он, выдохнув, вышел из-за будки. Уже не скрываясь. А не было смысла скрываться. Побежит – его в спину расстреляют. Останется – его окружают – и по такому же сценарию. Так хоть какой-то шанс был, пускай и мизерный. – Эй! Сволочи! – «МР-5» плюнул смертью.

В ответ на будку обрушился град.

* * *

Сука-судьба в эту ночь оказалась не такой уж сукой.

Выстрел Андрея совпал с очередью противника, что практически полностью заглушила его. Но «практически» не значит «полностью». Один из тех, кто остался в живых, а не рухнул лицом в грязь – в прямом и переносном смысле, – развернулся и выпустил несколько пуль в сторону залегшего в кустах анархиста.

Пистолетная пуля просвистела в миллиметре от бинтовой повязки, закрывающей ухо, так что Андрей даже не был уверен в том, что этот свист он услышал. Обычная звуковая иллюзия. Но не важно: даже за миллисекунду высаженная обойма не спасла бы стрелка.

У Рэя было неоспоримое преимущество – темнота стала его союзником.

* * *

Музыкант вернулся в укрытие и обругал себя.

Еще две пули срикошетили от будки.

Все это заняло долю мгновения. Долю мгновения, за которую жизнь одного из нападавших оборвалась, подарив Вадиму шанс отыграться...

* * *

– Лосев?! Лосева завалили! Откуда-то из кустов!

– Лепехин! Найди урода! Прикончи на месте! На мне будка, я достану этого говнюка...

Лепехин при всем желании не смог бы выполнить приказ – его яремную вену перечеркнуло лезвие боевого ножа.

– Теперь ты бросишь свой автоматик, если не хочешь разделить судьбу своих корешков. – Андрей шагнул из-за спины хрипящего Лепехина, одновременно с этим выдрал рукоять из рассеченного горла рядового. – Я два раза повторять не буду, – наставил он на Богомолова пистолет. – Ну?

– Твою мать...

Поколебавшись, Михаил бросил оружие.

– Вот молодчина.

Взвыл – коленная чашечка стрельнула невыносимой болью.

* * *

– Эй, животное! – Андрей вальяжно подошел к корчащемуся в муках боевику. – Поболтаем, бедолага?

«Бедолагой» был парень из «Удара» – лейтенант, если по поганам смотреть, но совсем сопляк. Завывая, словно подранный пес, «сопляк» сидел на траве и обнимал простреленное колено.

– Давай так, солдатик: я буду задавать вопросы, а ты будешь на них отвечать. Тогда я сохранию тебе жизнь. У тебя нет оснований мне доверять, твои дружки мертвы, но они мертвы только потому, что это цена за жизнь моего друга. Двое за одного – приемлемо. Понимаешь?

– Пошел ты... сука...

– Я уйду. А ты долго с такой дыркой в ноге протянешь?

– Чего... тебе... надо?

– Познакомиться. Меня Андреем звать. Ты кто?

– А, у нас такой формат диалога? – Страх оказался сильнее чувства собственного достоинства, и лейтенант принял правила игры. – Михаил Богомолов, лейтенант, «Удар». Я не украл эту форму, если ты об этом.

- Какого хрена убил Лешку?
- Мы за тобой пришли. Нашли тебя по сигналу твоего КПК.
- Уважаю, Богомолов, за спокойствие и честность. Нашли по сигналу КПК? Турко хочет убрать любого, кто хоть как-то связан с «Анархистами»? Всех тех, кого в ту ночь не оказалось за вашим столом?
- Да, – просто и буднично ответил Богомолов. – У нас не оставалось выбора... мы не могли рисковать... ты ведь прекрасно знаешь, кто стоит за Рахманом...
- Первый раз слышу, что за ним кто-то стоит...
- Андрей, ты живой! – оборвал разговор подбежавший Музыкант. – Слава богу, я уже думал, что случиться могло... А, твою-то мать...
- Знаешь его?
- Знаю. – Музыкант облизнул губы. – Мишка Богомолов, в рядовых ходил, когда мы с Лешкой...
- Привет, Вадик... а я думаю, чего это рожа того жмура показалась мне такой знакомой...
- О чем он, какого жмура? Где Лешка? Почему ты молчишь? Андрей, Лешка где?
- Рэй так и не нашелся с ответом.
- Рукой махнул разве что.
- В ту сторону, где остывало Лешино тело.
- Но Вадим все понял и без слов.
- И поспешил туда.
- Андрей остался один на один с лейтенантом.
- Теперь нам никто не помешает. Ты не кричи только, Миша. Вадиму сейчас тишина нужна, чтобы с братом своим проститься.
- Прекращай цирк. Ты меня непустишь, я не совсем уж тупой. Так что просто заканчивай с этим.
- Но так не интересно, дружище.
- Я тебе не друг, выродок, – огрызнулся Богомолов. – Я не собираюсь тебя развлекать. Довольно. Знаешь, о чем я сейчас не сожалею? О том, что был одним из тех, кто держал Рахмана в тот самый момент, когда Турко расквитался с ним за каждого из моих павших товарищей...
- Заткнись!
- Заткнушь, когда ты нажмешь на спусковой крючок.
- О, нет, ты не дал мне насладиться разговором с тобой, так что быстро это не закончится. Даже не пытайся меня вывести, падаль.
- Я не хочу умирать... – Михаил опустил голову. – Но я поверил тебе, что отпустишь. Сдался почему-то. А должен был забрать тебя с собой. Я с самого начала знал, что это конец. Успокаивает только, что и для тебя тоже. Ты ходячий труп, Андрей. За тебя назначили награду. Уж поверь, она повысится вдвое, когда Турко узнает о том, что ты наехал на него и замочил нас!
- Разреши пофилософствовать, а? Ты заметил, что я одноглазый? Иногда запас удачи кончается. Вот и мне не повезло, от ножа не увернулся. Но так уж случилось. С этим нужно смириться, это нужно принять. Научиться жить дальше. Хреновая ситуация, но уж какая есть. То, что Турко открыл на меня охоту, не очень приятно, конечно, хотя не смертельно. Я не собирался отсиживаться. Так что я приму свое положение. Ты, я вижу, свое положение тоже принял. Молодчина! Впрочем, с одним фактом мириться я не хочу. С тем, что у меня вся рожа в бинтах, вот только нет повязки на глаз из окровавленного куска комбинезона «ударовской» гниды. Сечешь фишку? Мне нравится ваша форма. Ты, кстати, курить не хочешь? – Андрей щелкнул зажигалкой. – Не? А я закурю. Хорошие такие сигаретки, табачок сладенький. «Вирджиния», на языке чувствуется. «Вирджиния» – это мой любимый сорт. – Затянулся. – Приятный такой привкус. – Посмаковал. – Точно не хочешь?! – Схватил бойца за патлы. – А ты

попробуй-таки, а? – Резко дернул. – Затянись, сука! – И поднес сигарету к его левому главному яблоку. – Не визжи! Не визжи, тебе говорят! Вадиму тишина нужна! – Андрею пришлось перекрикивать нечленораздельные вопли Михаила. – Хорошее же курево! Чего орешь?! Не нравится?! Сладость на выдохе чувствуешь? Нет?! Еще затяжечку? Ну, раз не нравится, то и заставлять не буду! – Отстранив сигарету от лица жертвы, Рэй пожал плечами и запульнул ее в кусты.

– Покойник... ты покойник... мразь... Турко тебя... он тебя на ремни... суку, – выдал «ударовец» сквозь стоны. – Ты себе еще хуже... пид...

– «Анархисты» всегда возвращают долги. Поэтому вы и порезали их. Возмездия опасались. Просчитались вы, зайчики. Сначала надо валить таких, как я, а потом уже к Рахману переходить.

– Заткнись...

– Я-то заткнусь, а ты подохнешь просто так. Турко всегда заботило только личное обогащение, он продал все ваши идеалы, вас всех продал. Ему нет дела до какого-то там лейтенанта, подыхающего близ Зимовища. Завтра он уже не вспомнит твоего имени. – После этой фразы Андрей кулаком заехал парню в нос. – Генерал с самого начала знал, чем все это закончится.

– Никто не продавал свои идеалы... – харкнул кровью лейтенант. – Кроме вас... – закашлялся, – ...«Анархистов». – Злоба придала Михаилу сил, чтобы договорить гневную тираду без запинок: – Вас еще давным-давно перехреначить надо было. Вы – натовские ставленники!

– Ух ты! Какое изречение! Это мне эсбэушная пешка заявляет! Смешно! Нет, парень, я не спорю, все мы пешки. Я тоже, вот только я *вижу* ниточки, за которые подвешен и за которые меня дергают. А ты тут про НАТО заговорил. К чему? Они за мои ниточки никогда не дергали.

– Дергали-дергали, мразь... ты просто настолько тупой, что не замечал этого...

– А я гляжу, вас там совсем отбитых набирают. Мозги промывают знатно, в кашу их превращают. Оп-оп! Идея нарисовалась! Раз уж мозги тебе больше не нужны, они будут отлично смотреться на этой самой дороге, смешанные с песком и мусором. – Андрей выпрямился во весь рост. – В них и так один мусор. – Он поставил подошву Богомолу на грудь и толкнул. – Ничего не изменится. Напоследок хочу, чтобы ты знал. В благодарность за честность и отвагу. Я убью всех твоих товарищей. Каждого. Невинных среди вас нет. Когда один человек из группировки совершает преступление, отвечать за него обязаны все. Каждый из вашего поганого «Удара» виноват в том, что случилось за тем ужином, даже если в те минуты он мочился на стенку в другом конце вашего сраного заводика. У нас были такие порядки! – Анархист занес автоматный приклад над головой лейтенанта. – Один за всех и все за одного! Это – закон! – Замахнулся. – Ты понял меня, сука?

Череп Михаила промялся под хладнокровным ударом.

– Вот и все. Спокойной ночи, Миша, – сплюнул Рэй. – Теперь ты больше похож на того, кем был на самом деле. На какого-то безмозглого сукина сына. Гори в аду...

Расквитавшись с лейтенантом Богомолым, Андрей забрал его КПК.

– Я тут с начальством твоим поболтаю. – Он снял с руки мертвеца перчатку, а после отрезал кусок от его красно-черного комбинезона. – Для диалога. Последняя мелочь. – Переступив через труп, Андрей обмакнул перчатку в кровь и нарисовал на ржавом капоте «Запорожца» букву «А» в круге. – Вот так... Последний штрих. – Рэй сделал фото на устройство лейтенанта и отправил файл абоненту «Турко». – Отлично. Я иду за тобой, – проговорил он то, что подписал под картинкой.

Послышались торопливые шаги, а за ними – встревоженный голос:

– Боже, Андрей...

Вадим, в уголках глаз которого блестели слезы, с презрением смотрел на нового знакомого.

* * *

Покрывшийся мхом шифер, шелкая, разлетался в стороны. Догорающий дом складывался, словно карточный, от дуновения ветра.

Длинные пальцы Андрея – ярко-красные от крови – подрагивали на рукояти автомата. Внешне искатель оставался невозмутимым – только нижняя губа дрожала.

– Что ты наделал? – повторил Вадим, поднимая свой «МР-5» и направляя оружие на бывшего анархиста. – Андрей...

– Ты что творишь? – Андрей вздернул бровь. – В своем уме? – Он тоже вскинул оружие и покачал головой. – Я передал послание нашему с тобой глубокоуважаемому куску говна по фамилии Турко. Отомстил за твоего мертвого брата и избавил мир от еще одного «ударовского» ублюдка, как это сделал и ты. Опустив ствол, тебе не нужно меня сейчас провоцировать.

– Людей по-разному убивают...

– Это не просто убийство, это месть и послание...

– Знаешь... когда я нашел тебя... Лешка... он просил вышвырнуть тебя на улицу... оставить умирать под Зарядкой... говорил, что я пожалею о своем решении, что я сначала делаю, а потом думаю... Мне кажется, он был прав. Я ошибся в тебе. Я никогда так не ошибался в людях. Ты чудовище, Рэй, и мне сложно представить, что человек в силах совершить подобное.

– Подобное? Не срать ли на то, как умирают твари? – «Калашников» ходил ходуном – Андрей никак не мог унять тремор. – Сейчас половина Зоны сбегится на звуки недавней пальбы! Еще хренов костер! Очнись! Ты спрашивал, что я собираюсь делать! Я тебе честно ответил, что убью как можно больше подонков! Ты меня не остановил! Сейчас решил нравов учения развести?

– Пули бы хватило...

– Нет!

– Хватило! Вот что я пытаюсь до тебя донести! А еще то, что, когда я тебя отпустил, Лешка был еще жив!

– «Отпустил»? Да кто ты на хрен такой?! Кем ты себя возомнил?

– Они пришли за тобой. Если бы не ты, мы бы с Лешкой продали бы все арты и ушли из Зоны навсегда. Если бы не ты, Лешка бы не погиб...

– Ты обвиняешь меня? Я что, просил меня спасать, раз уж на то пошло?

– Дурной ты, Андрей, как малолетка. – Музыкант опустил «МР-5». – Я о других вещах говорю. Не обвиняю и не осуждаю. Мы сделали свой выбор. Мы за него и расплатились. Я мальчик взрослый, привыкший отвечать за свои слова и поступки, сынок. Мне претит перекладывать ответственность на других. Тебе же предстоит этому научиться. Я другое хотел сказать. Что тебе Лешка свою жизнь подарил. И я, может быть, свою. Кто знает, что со мной теперь будет? Доберусь ли я живым до лагеря? Или погибну в пути? На тебе теперь бремя... жизни наши доживать... жизнь Рахмана дожить... жизнь Кирилла... Олину...

– Не смей...

– Если ты погибнешь, то они все... они все сгинули напрасно...

– Заткнись!

– Лешка, – с нажимом продолжил Вадим. – Рахман. Кирилл. Оля. Они ради тебя костыми легли, чтобы ты мог жить, Андрей. Так что забудь все, о чем ты говорил мне. Забудь о ненависти и мести. Если Кирилл жив, то вычеркни его из списка призраков, найди и приведи домой. Уезжай отсюда. Настолько далеко, насколько сможешь. Начни новую жизнь. Влюбись. Семью заведи. Стань Человеком. С большой буквы! Ради Оли сделай это. Ради меня. Иначе она погибла зря. Иначе я буду знать, что мне не стоило помогать тебе...

– Ты сказал достаточно. Уходи.

– Дай мне слово.

– Не нужно усугублять...

– Что дальше, Андрей? Расшибешь мне череп? Есть пределы того, что может вынести человеческая душа, и моя перешагнула этот предел. А что насчет твоей души? Сколько еще людей должно умереть, чтобы ты одумался? Таких, как Оля?

– Еще раз назовешь ее имя... пополнишь список мертвецов...

– Ты погляди на себя. Израненный, безглазый, весь в крови. Какая вендетта, сынок?

– Я не хочу быть тем, кем я стал! – Андрей сорвался на крик. – Не хочу! Но я не могу вновь стать тем, кем был раньше! Почему ты не понимаешь?!

– Это ты не понимаешь...

– Мне наплевать! Наплевать, слышишь? Ты чего так моей судьбой озаботился? Не зверье мы, хочешь сказать? Не были им никогда? Ты сам убивал! И моих ребят! И я твоих! За хрен собачий! За территории на этой радиоактивной свалке! За идеологию! За что угодно! В природе это нашей! Мы тут все подонки! Ты погляди на нас! На сталкеров! На это наше чертово братство! Братство отпетых мразей! И мы с тобой всегда были в их числе! Так что не надо читать мне морали!

– Я уже давно смотрю на себя в зеркало. – Пистолет-пулемет выпал из вспотевших ладоней Вадима. – Я вижу, что со мной стало. Поэтому я и снял с себя форму «Удара», поэтому я тебе помог.

– Уйди, Музыкант, я больше не намерен трепаться...

– Андрей, я лишь прошу дать мне слово...

– Уходи...

Откуда-то раздавался вертолетный гул, но очень скоро его перекрыли выстрелы, а дгорающий дом окончательно рухнул.

Глава 5

С глазами из синего льда

Вертолетный двигатель запустился практически перед самым столкновением с землей, но этого не хватило, чтобы избежать катастрофы.

Скрежеща, сминая металл. Корпус вертолета, пропахивая почву, взметал клубы пыли и грязи. Оторвавшиеся винты, крутясь, пролетели несколько метров, срезая хилые и сухие деревья – во все стороны раскидало щепки и сучки. Спустя еще секунду все закончилось. Стихли грохот и лязг, стих шелест стеклянных осколков. Один дождь продолжил шуметь, напоминающая помехи в радиозфире. Покореженный летательный аппарат с отличительными знаками Научно-исследовательского института аномальной зоны на борту застыл посреди бескрайнего поля. Почти все стекла в иллюминаторах высыпались, а те, что уцелели – относительно «уцелели», – покрылись паутинками трещин и обагрились кровью.

Крови было много. Везде. По всему салону. Она стекала по приборной панели – у пилотов, самоотверженно сражавшихся за жизнь экипажа, не было ни единого шанса. Из спинок кресел торчал ствол дерева. Пассажирам повезло не больше: изуродованные трупы были разбросаны то тут, то там, придавленные металлом или сиденьями.

Застонав от боли, Скай открыла голубые глаза и сразу же зажмурилась от искрящей проводки – разряды пробежали у нее перед носом. По рассеченному лбу девушки струилось яркое, а в ее левом боку красовался солидный кусок металла. Научный костюм пропитывался кровью.

– Нет... нет... не может быть... – только и смогла проговорить Скай, стаскивая с себя мертвеца в военной экипировке. – Как же... больно...

Подаренный Никитой револьвер был все еще при ней, но девушка понимала, что сильно уповать на это оружие не стоит – патроны хрен сыщешь, – так что Скай прихватила из кобуры военного «макаров». Проверила магазин – полный. Еще немного патронов нашлось в разгрузке. На что она рассчитывала? Как выбраться из этой братской могилы и не умереть от потери крови? Чем тут поможет эта российская пукалка?

«Пообещай мне. Ты не такой плохой человек, каким хочешь казаться. Ты совершил много хороших поступков. На нашей базе. Тут. Ты принес Яковлеву «желудь», который каждый лаборант захватил бы себе. Согласился помочь Огоньку с биоматериалами. Это дорогого стоит!»

– З-а-р-а-з-а! Точно!

«Как сразу-то! – пришла спасительная мысль. – «Желудь»! Это должно сработать! Другого шанса у меня нет!»

Скай ползла и чувствовала, как с каждым движением теряет все больше и больше сил. Но ей удалось доползти до раскуроченного тела Яковлева, рядом с которым валялся черный чемоданчик с особо ценными артефактами, что ученый забрал из лаборатории.

– Мне очень жаль... покойтесь с миром...

Мир недосчитался еще одного гениального ученого, работа которого была тесно связана с Зоной. Академик Захаров, академик Данилов, Яковлев... И это только те, о ком она слышала. А сколько таких еще?

Девушка отщелкнула замки и отыскала внутри небольшой контейнер с «желудем». Там же, в чемоданчике, нашелся и «компрессор» – артефакт, который помогал снять боль.

– Теперь... теперь главное...

Все плыло, все двоилось. Каждое легкое действие вызывало адские муки. Она сцепила пальцы на осколке, что торчал в ее костюме.

– Черт... Зараза... Поехали... – По рассеченным пальцам побежало красное, и Скай зашипела: – Все будет хорошо! Твою мать! – Кровь потекла, словно кран прокрутили. Не теряя драгоценных секунд, бывшая анархистка приложила «желудь» к дырке в боку, прижала его. – Вот так... вот так... уже легче...

Артефакт засветился приятным зеленоватым цветом, и рана начала медленно затягиваться. До слуха Скай донесся странный звук – и тут же запахло чем-то паленым.

– Нет! – подорвалась она с места; артефакт упал и покатился по полу, тело пронзило адской болью. – Нет! Только не это! Черт...

Огонь уже занимался. Пристегнув к поясу контейнер с «компрессором», Скай, опираясь на стенку, двинулась к выходу. Остановилась у погибшего военного, чтобы распотрошить его рюкзак.

– Где же оно? – Девушка раскрыла синюю аптечку, нащупала в ней шприцы и без лишних церемоний вколола себе обезболивающее. – Пора валить!

На улице было темно, хоть глаз выколи.

Как так?

Был же день! Когда она очнулась, было светло, это точно же!

Зарядка...

Ощутив прилив энергии – обезболивающее подействовало – лаборантка быстрым шагом направилась к дыре, что зияла на месте боковой двери. Когда Скай была уже в шаге от спасения, что-то толкнуло в спину, обдало нестерпимым жаром и отбросило далеко в сторону.

* * *

Вероятно, в жизни каждого человека наступает тот жуткий момент, когда он, пускай и неосознанно, теряет всякую тягу к существованию, когда он теряет ту единственную веревочку, что удерживает его в нашем мире. Такое случилось и со Скай, когда на ее молодые и хрупкие женские плечи свалился целый калейдоскоп тяжелейших испытаний. Сначала она распрошлась со своей единственной подругой – крысой Марго. Затем бывшая анархистка похоронила боевых братьев, павших в бессмысленной и кровавой войне против «Изоляционных сил». Но самым серьезным ударом для нее стала гибель человека, которого она могла бы по-настоящему полюбить.

Это были первые мысли девушки, когда она пришла в себя на той же самой лесной поляне, рядом с уничтоженным падением и пожаром вертолетом. Голова казалась на удивление ясной, а тело почти не ныло от боли. Но как такое может быть? Она же должна была умереть! Никто не может выжить под открытым небом, когда Зону накрывает Зарядкой!

«Но ты же уже выживала, – вспомнила она. – В тот день, когда Миша Мельников выстрелил тебе в ногу! Забыла уже, а?»

– Так. Спокойно. Пора бы уже успокоиться. – Девушка поднялась на ноги и робко оглянулась.

Идти к вертолету ей совсем не улыбалось – не хотела она лишний раз смотреть на изуродованные трупы бывших коллег.

Хватило ей уже.

Следовало бы похоронить Яковлева и всех тех, кто сгорел заживо, пытаясь эвакуироваться из захваченного какими-то inferнальными тварями Академгородка. Это было бы правильно, но у девушки не осталось никаких сил – ни моральных, ни физических. История повторялась. Ей не зря вспомнились давние события с бывшим школьным учителем, когда тот бросил ее умирать, чтобы единолично добраться до Припяти и загадать свое эгоистичное желание. Душевные ощущения были схожими – такое же презрение к себе, к жизни, к Зоне. Такое же желание сесть на травку, запрокинуть голову и тихонечко умереть, глядя на небо.

Перестать сопротивляться садистской натуре Проклятого Места, принять правила игры. Но Скай не сдавалась. Не в ее характере это было. Она упрямо перла вперед, как городской трамвай, не собираясь сходить с пути. Особенно теперь, когда Никита принес себя в жертву ради ее великой цели. Она просто обязана дойти до Припяти и найти ту самую комнату, чтобы распрощаться с Зоной.

Выжечь ее.

С тела Земли.

Раз и навсегда.

* * *

Ближайшая постройка обнаружилась у берега реки – советская банька с выбитым окном. Скай, надев перчатки, чтобы не подцепить занозу, залезла внутрь.

В помещении балом правила сырость. Еще – пыль. Много пыли. Она была повсюду: кружилась в воздухе, стелась плотно, словно туман, укутывала паутину, что затянула собой давно выпотрошенный советский шкаф, скрывала под собой изъеденный молью диван.

У печки девушка отыскала вязанки дров, но они ни на что не годились – отсыревшие и сгнившие поленья. Зато в этой же бане отыскался удобный топорик.

– То, что надо, – заключила Скай, возвращаясь на улицу.

* * *

Скай бродила мимо величественных деревьев с безлиственными кронами и чахлыми ветками. Она просчитывала в голове свой маршрут. Если считать чистыми километрами, то Припять была недалеко. Но это по меркам нормального мира, а в Зоне тридцать километров пройти – это еще умудриться надо.

Пистолет болтался в кобуре, на предохранителе. Девушке очень не хотелось пускать его в ход.

Дошла до упавшей осины с отшелушившейся корой. Топорик, что висел на импровизированном поясном ремне, она изящно сняла, подкинула в воздухе, перехватив в полете за рукоять и, сильно размахнувшись, вогнала топориче в основание самой толстой ветки. Та поддалась со второго удара.

Колола Скай без усталости, словно заведенная кукла. Работу закончила лишь тогда, когда рядом с ней образовалась горочка мелких дровишек, что она заботливо сложила в рюкзак.

Удовольствие от труда вогнало ее в восторг, помогло забыть. Давненько же она не обременяла себя никакими физическими нагрузками! Улыбаясь, Скай поковыляла обратно к берегу реки, где планировала устроить стоянку.

* * *

Над костерком, звякая, покачивался металлический котелок с протетой сквозь дужки проволокой. Скай часто в походах, во время вылазок, готовила порошковые супы таким образом. Не сказать, что это лакомство полезно для здоровья, но другого в ее рюкзаке, к сожалению, не нашлось. Не было же у нее возможности сбегать в квартиру за нормальной едой?

Донышко котелка лизали языки пламени. Вариво бурлило, источая аромат, отдаленно напоминающий запах куриного бульона.

Скай открыла свою тетрадку для записей и с удивлением обнаружила, что, оказывается, не написала и строчки с того самого дня, как посетила могилу Лиса. Ее заметки о кресте, что

падет под гнетом времени, и о душах мертвых показались ей крайне наивными и детскими. Но она не стала их вычеркивать. Наоборот, переписала сюда из дневника Дениса.

Пусть будет, для истории.

Ей захотелось выговориться – бумага стала бы самым благодарным собеседником.

Но о чем писать?

Минут пять гладила пальцем чистый лист.

Ничего не придумав, девушка захлопнула тетрадную обложку.

Суп уже расплескивался во все стороны.

* * *

Умиротворяющие ночи далеко не редкость для мира Зоны. Почему бы им не быть тихими и спокойными, если и людей-то тут почти не осталось?

В восемьдесят шестом году сгинули местные жители. Исчезли автовладельцы, чьи железные кони, шумя двигателями, выбрасывали в атмосферу вредные для экологии выхлопные газы. Исчезли грибники, которые частенько ходили в лес. Рассыпались в тлен шумные компании, что предпочитали по выходным выбираться на природу, чтобы пообщаться и пожарить шашлыки. За несколько дней территория Проклятого Места опустела, избавилась от людей, как от ненужного мусора. Однако природа не терпит пустоты, и на смену местному населению пришли сталкеры. Впрочем, и их-то почти не осталось, если разобраться. Кто-то сгинул в междоусобных войнах, кто-то остался навечно лежать на пожухлой траве, угодив в аномалию, а кто-то просто ушел, решив покончить с этим опасным ремеслом. И кто же придет на смену ловцам удачи? Те монстры из Академгородка?

Изо рта Скай вырывался пар – стылый воздух наполнял легкие, вонзаясь ледяными иглами в глотку, как будто бы зима была уже на самых подступах. Но это обманчивое ощущение. До зимы еще далеко, но в Зоне царила вечная осень с холодными, пробирающими до костей ночами.

Скай шла дальше, вдоль реки. Она решила не спать до рассвета. И с каждым новым шагом, задумываясь о цели путешествия, она задавалась простым, но таким важным вопросом: а верит ли она сама в существование места, где исполняются самые сокровенные мечты? Исчезновение Михаила, встреча с Могильщиком, загадочный дневник и исследование чудодейственных свойств артефактов подкрепляли ее веру, подпитывали ее, заставляя идти дальше. Но нельзя же быть уверенной до конца. У нее осталась только надежда, а каждый человек, по сути, живет одной лишь надеждой. С каждым преодоленным километром, с каждым пройденным шагом сердце девушки сжималось все сильнее, а на душе становилось беспокойно и даже невыносимо. Порою хотелось закричать – откинуть голову и завывать на Луну, словно волк, сетуя на то, что она оказалась запертой в Зоне. Скай боялась не обнаружить в Припяти совершенно ничего, разувериться в той единственной нити Ариадны, что не давала ей сбиться с пути. Боялась понять, что все это время жила самообманом и ложью.

Ветер подул сильнее – зашелестели ветки деревьев, с них сорвались жалкие остатки разноцветных листьев.

Скай устремила свой взгляд к звездам.

«А звездочек-то стало меньше, – отрешенно подумала она. – Это только кажется, конечно, но словно и взаправду. Не могли же в одночасье погаснуть миллионы миров? Или могли?»

Говорят, что в роковой момент для каждого из нас тухнет одна звезда, словно вместе с человеком умирает целая Галактика. Только это неправда. Вселенной никогда не было никакого дела до песчинок и космической пыли.

«А чем мы, человечество, отличаемся от этой самой пыли?»

Все в нашей жизни лживо.

Все, кроме смерти.

Она-то настоящая.

Искренняя.

Из размышлений вырвал звук торопливых шагов.

Скай молниеносно расстегнула кобуру.

– Стой на месте! Медленно! Медленно повернись!

– Ты?

Появившийся словно бы из ниоткуда человек с автоматом опустил оружие – и она бросилась на шею старого друга:

– Я думала, ты мертв...

Глава 6

Ночной патруль

– «Скиф-два», я – «База»! Как слышите меня? Прием? – раздался голос в наушниках пилота «МИ-8АМТШ»⁴.

– «База», я – «Скиф-два». Слышу вас отлично. Прием!

– Подтверждаю хорошую связь. Как обстановка в вашем секторе?

– Отработали по нескольким целям у места, которое нынешний контингент называет Краем вечного лета. Уничтожено восемь групп дикого зверья, что рыскали в руинах. Была замечена и неустановленная тварь. Прямоходящая, как человек. Но слишком быстро двигалась, упустили.

– Уверены, что не криминальные элементы?

– Человек с такой скоростью не бежит.

– Неужели это те самые твари, о которых говорили наши ученые?

– Не знаю, товарищ командир.

– Будем разбираться. Еще что-то?

– Вертолет НИИАЗа. На нем эвакуировали ученых. Сгоревший. Признаков жизни не обнаружено.

– Вас принял. Направляйтесь к другим ключевым точкам. Там свяжетесь со мной, получите новые указания. Как поняли?

– Понял вас, «База».

– Отлично. До связи.

– До связи.

* * *

Громкий стук в дверь уже в который раз оторвал генерала Турко от погружения в книжную историю, которую так любил покойный Чехов. Это можно было увидеть по состоянию печатного издания – книга была зачитана до дыр, а по тексту встречались какие-то подчеркивания и мысли майора о прочитанном. Уголки были загнуты и потрепаны, а пожелтевшие страницы – помяты.

– Войдите, – разрешил генерал, вновь откладывая «О дивный новый мир». – А, лейтенант Кулешов. С какими вестями?

– Разрешите доложить, товарищ генерал! – с порога прокричал младший лейтенант. – По поводу Богомолова и его миссии.

– Разрешаю. Только это, Кулешов, отставить формальности. Кратко и по делу, пожалуйста. У меня сегодня еще очень много дел.

– Так точно! Вы меня простите, но новости крайне паршивые. Кажется, Богомолов и его люди провалили задание...

– Так кажется? – перебил Турко. – Или провалили? Конкретнее в формулировках, пожалуйста.

– Майор Водопьянов считает, что провалили. Они перестали выходить на связь. Вот уже час, как от них ничего нет. По рации – молчание, как и через КПК. Однако устройства всей троицы активны и продолжают посылать сигналы из Зимовища. Но передвижение отряда засечь

⁴ «МИ-8АМТШ» – боевой многофункциональный вертолет, разработанный на базе «МИ-8АМТ».

не удалось. Плюс СБУ сообщают о пожаре в деревне. Из всего этого можно сделать крайне неутешительные выводы.

– Благодарю за информацию. Передай Водопьянову, пусть присылает в Сеть информацию об увеличении награды за головы «Анархистов». Вдвое. Я лично свяжусь с ребятами из СБУ, расспрошу их о пожаре и попрошу все проверить. Если Богомолова и его людей убил Андрейка – пусть валят убудка на месте.

– Можно вопрос, товарищ генерал?

– Я же просил без формальностей.

– Виноват! Так можно?

– Можно-можно.

– Зачем мы тратим столько сил и ресурсов на последних выживших «Анархистов»? Их же почти не осталось. Сами умрут. Или свалят из Зоны. У них и без нас всегда хватало врагов.

– Потому что нельзя оставлять даже потенциальную угрозу. – Турко погладил ладонью обложку «Дивного нового мира». – Ты правильно заметил: у них и без нас было достаточно врагов. Но я не хочу, чтобы какой-нибудь выживший Огонек или Андрей привели к моим воротам армию вольных сталкеров, что симпатизировали «Анархистам». Или отбросов-бандитов, у которых есть все основания нас ненавидеть. Мы должны исключить это. Мы должны показать, что мы не остановимся ни перед чем, чтобы наказать предателей. К сожалению, пока наша власть, если не лукавить, держится на страхе, но мы впервые за долгое время стали единственной грозной силой в Зоне. И я не позволю сраным «Анархистам» это испортить. Лучше перестраховаться.

– Да... в этом есть смысл... – смущенно пробормотал Кулешов. – А что делать с теми бандитами, которые утверждают, что захватили в плен Огонька? Водопьянов интересуется. Богомолов-то уже к ним не придет.

– Они заявляли, что совершат обмен на нейтральной территории?

– Так точно.

– Передай Водопьянову: пусть отправляет туда людей. Пусть посылает столько, сколько нужно. У нас с СБУ общая цель, я потом сброшу им координаты места обмена, а там и логово вычислим. Скооперируемся с военными и снесем там все подчистую.

– Мы как-то часто стали прибегать к помощи военных. Не все одобряют, вы же понимаете. У нас и без того зреет раскол на фоне... последних событий с «Анархистами».

– Не зарывайся, Кулешов, ты простой младший лейтенант, и твое мнение здесь никто не спрашивал, ты уж извини за честность. Я сам решаю, как нам поступать. С СБУ. И с недовольными. – Он сжал кулак. – Я разберусь, это не твоего ума дело. Лучше расскажи мне, как обстоят дела у наших парней на Болотах и Озерах? Водопьянов ничего не просил передать?

– Просил. Основные отряды подходят к позициям. Завтра ночью планируют нападение. Разведчики докладывают о сорока-пятидесяти бойцах со стороны противника. Раз плюнуть. Уже через два дня эта локация будет полностью под нашим контролем.

– Отлично. Скажи Водопьянову, что, когда закончится зачистка, пусть отзывает людей. Мы сдаем эту позицию. Отдадим ее СБУ – в качестве жеста доброй воли. Для начала долгого и плодотворного сотрудничества по наведению порядка в Зоне. Все ясно?

– Я... да, все ясно, но лучше бы вы меня послушали. Бойцы могут не одобрить.

– Кулешов, я уже указал тебе на твое место, не заставляй меня делать это снова...

– Простите.

– Постой! Есть для тебя задание. Ты же свой среди лейтенантов и низшего состава, – ухмыльнулся Турко. – Поспрашивай, поинтересуйся, проанализируй настроения бойцов. И принеси мне завтра список с фамилиями всех недовольных. Хорошо?

– Да. Да, конечно. Но...

– Что?

– А что с ними будет?

– Ничего. Я просто проведу с ними беседу, выйду к людям и объясню всю ситуацию, чтобы не оставлять недомолвок и поводов для раскола.

Во взгляде Кулешова читалось, что он не верит своему лидеру. Но Турко не волновало то, во что там верит эта грязь под ногтями.

– Я прошу вас... это не мое дело... – осторожно начал младший лейтенант, изрядно нервничая. – Но не допустите того, что случилось совсем недавно. Я про расстрел за измену. Не нужно, прошу.

– Кулешов! – уже повысил голос генерал. – Я тебе русским языком сказал, что просто хочу узнать о настроениях в обществе, чтобы подготовить речь и выйти к личному составу! Это все! Тебе ясна задача?

– Так точно!

– Тогда вали отсюда ее выполнять!

Младший лейтенант выскочил из кабинета, а Турко грустно вздохнул и открыл ящик стола, чтобы достать свой коммуникатор.

«У вас одно новое сообщение. 54 минуты назад».

Разблокировав экран, Турко искренне удивился.

Сообщение прислал лейтенант Богомолов.

Живой?

– Молодец, мальчик, я в тебе не сомневался. – Но радость вмиг сменилась гневом. – Твою же налево...

Лже-Богомолов прислал ему несколько фотографий. На одной из них был запечатлен ржавый «Запорожец», на капоте которого – кровью – была нарисована буква «А» в круге. Следующее фото – труп Богомолова с разбитой в фарш головой и...

...несколько фотографий горящих зданий...

...и еще двоих мертвецов...

«Я иду за тобой», – гласила подпись под изображениями.

– Ах ты гнида! – Он со злости швырнул КПК обратно в ящик. – Сука! – Взял рацию и прокричал: – Водопьянов?! Да! Увеличивай награду за «Анархистов»! В четыре раза! Снимай весь личный состав, что сейчас патрулирует районы, близкие к Зимовищу и Краю вечного лета! Да, бляха! Без лишних вопросов! Отправляй их в Зимовище и в тот самый Край! Быстро! Приказ?! Умерщвлять каждого, кто покажется им подозрительным! Чтобы без результатов не возвращались! Мне нужны трупы Огонька, Скай, Рэя и сраного Коннора! Чтобы к утру я точно знал, что эти имена я больше не услышу! Выполнять! – и отсоединился.

* * *

Тьма обдала беглеца своим ледяным и смрадным дыханием.

Ночью в Зоне особенно паршиво. Да, здесь, на покинутых территориях, страшно и жутко всегда. Что при свете дня, что под покровом ночной мглы. В темноте к привычному набору ужасов этого забытого богом места – нерациональных и необъяснимых с точки зрения современной науки – добавляется еще и присущий каждому человеку страх...

...страх неизвестности...

Как говаривал один умник, мы страшимся не темноты, а того, что может поджидать в ней. Но на Большой земле еще можно заглушить это глупое чувство, можно задушить его в зародыше, можно убедить себя, что никаких монстров в шкафу не существует. То ли дело в Зоне, где ночные кошмары оживают наяву, где в этой непроглядной, в этой густой и осязаемой Тьме тебя действительно могут поджидать настоящие чудовища.

Дрожа словно осиновый лист, Кирилл прошел мимо развалившегося от времени хутора, что проводил его холодным и безучастным взглядом пустых оконных проемов.

Справа хрустнула ветка – и Кирилл подумал, что это дикий зверь, давно не лакомившийся свежей плотью, явился по его душу. В метре от него затрещало – и Кириллу показалось, что он активировал аномалию, границы которой не смог разглядеть во мраке. За спиной раздался inferнальный вопль – и Кирилл решил, что это голос его последнего дня, что это вопль мутанта, выращенного в секретной лаборатории, против которого у него не было никаких шансов.

Шансы у Кирилла были равны нулю, даже если где-то тут, в кустах, его поджидал человек. Никакого, даже самого примитивного оружия для самообороны в руках у подростка не наблюдалось. Прошлой ночью он попытался выломать кусок водопроводной трубы в подвале, в котором он укрылся от прокатившегося по Зоне, словно вихрь, всплеска аномальной энергии, но ничего не вышло. Только в кино герой крушит стены одним ударом, только в кино герой вырывает из этих самых стен металлические трубы. В жизни все иначе. Не так просто. Сценарист не поможет.

То, что нужно бежать в подвалы или любые другие подземные сооружения, Кирилл помнил из рассказов бывалых сталкеров, которые нередко гостили у Лесника перед походом за Кордон.

Подвал паренек нашел, но это оказалось той еще задачей. В Зимовище не было никаких подземных коммуникаций – вплоть до канализационных. Отчаявшись, он побежал к автомастерской. Черт его знает, почему подростка понесло туда. Наитие. Но, хвала всем высшим силам, он не прогадал. В мастерской, в одном из цехов, был спуск в заветный подвальчик.

Обосновавшись там, Кирилл свернулся калачиком и уснул. Спал без задних ног. Сказался стресс – организм, махнув на прощанье ручкой, отключился на добрые сутки. Проснувшись днем и даже не поев толком – сразу в путь-дорогу. А нечего было есть. В куртке завалилось несколько шоколадных конфет, что превратились в обед, завтрак и ужин мальчишки.

Блуждал он до самой ночи, не зная, куда идти, и ориентируясь только по собственным ощущениям. Шел осторожно, медленно, но грамотно, вспоминая все советы и все истории «ловцов удачи», что подслушал на кухне родного дома. К Зимовищу возвращаться уже не имело никакого смысла – заплутал, не нашел бы обратный путь. Андрей с Олей, скорее всего, убиты. Тем психопатом – или Зарядкой. У Кирилла один выход оставался – до военных добраться. Там, на пропускном пункте, он сможет объясниться. В ребенка же стрелять не станут, в самом-то деле. Правда ведь?

Где-то там, за холмами, раздалась взрывы, а за ними – автоматные очереди.

И все затихло.

Но ненадолго.

Парнишку вновь пробрала дрожь. Ему отчетливо представилось, как смерть, та самая костлявая старуха с косой в черном одеянии, подкралась вплотную к нему, как задышала ему в ухо, как провела своей холодной рукой по его волосам и как прошептала какие-то ласковые и приятные слова.

Так и бродил с этим чувством минут десять...

...Нарастающий клекот вертолетных лопастей Кирилл услышал в последнюю секунду...

«Это конец, – пришла мысль. – Теперь-то точно нигде не спрятаться...»

* * *

Вертолетный прожектор выхватил что-то в траве.

Тело.

Совсем еще мальчишка.

– «База», прием! Я – «Скиф-два». Разрушенная автомастерская, недалеко от нее лежит человек в гражданской одежде. Подросток, но могу ошибаться. Какие указания?

– Погибший? Можете подтвердить?

– Никак не могу подтвердить. Тепловизор неисправен. Насколько могу судить с высоты, крови на одежде нет. – Один из членов экипажа, хлопавший пилота по плечу, показал ему оттопыренный большой палец. – Да, подтверждается информация. Но он лежит на животе – возможно, ранения именно там. Или он погиб в аномалии. Мне отработать по нему? Для гарантии?

– Вы же сами доложили, что это подросток. Зачем так радикально? Мало ли что. Не убивайте. Задержим его, если живой. Если мертвый, то оставьте его там же.

– Нам садить птичку?

– Нет. Запрещаю покидать вертолет. Слишком опасно. Выпустите очередь. Рядом с ним. Осторожно. Испугайте его. Если дернется, то доложите мне. Если нет, используете обманный маневр. Отлетайте, но держите сектор под наблюдением какое-то время. Посмотрите, не побегит ли. Приказ аналогичный – доложить мне. Я отправлю наших ребят на задержание. А вы возвращаетесь к выполнению своей задачи! Будете обеспечивать «Удару» поддержку с воздуха. Я передам частоты КПК боевиков из их отряда.

– Принял вас, «База». Будем работать. – Пилот перешел на общий канал экипажа. – Так, Антоха, мы снижаемся, а ты бери ручной пулемет. Рядом с мальцом очередь прочерти. Нам его только шугануть нужно. Убедиться, живой или мертвый.

– Так, может, с установки его бахнем?

– Точность крайне сомнительная. Да и не хрен дорогой боезапас тратить!

– Понял тебя.

– Я снижаюсь.

Боковая дверь «МИ-8АМТШ» отошла в сторону.

Борттехник, вооруженный тяжелым ручным пулеметом, ухмыльнулся.

* * *

Одежда Кирилла топорщилась от воздушных потоков, что создавали вертолетные винты. Панические мысли мешали думать.

«Что мне делать?! Очередность действий при такой ситуации?! Ну, давай же, вспоминай! Кто-то точно об этом говорил! Или ты читал где-то?! Вспоминай!»

Вертолет все кружил и кружил, но мальчишка даже не дрогнул, так и продолжил лежать неподвижно, изображая из себя труп. Все, что он мог сейчас сделать, это шире открыть рот, чтобы окончательно не попрощаться с барабанными перепонками.

«Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста, пусть он промахнется! Пожалуйста! Надо вставать! Надо бежать! Так можно спастись! Попытаться! Это лучше, чем лежать тут! Это лучше! Это хоть какой-то шанс! Нет, нельзя бежать, тогда точно пристрелят! Но что тогда?!»

Безвыходная ситуация – когда остается только замереть и молиться Богу, чтобы, если начнется пальба, пули прошли мимо тебя.

«Если заденут, пусть никаких серьезных ран... это же смешно! Крупный калибр – и без серьезных ранений? Смешно же, ну!»

Секунды...

Две... три...

Вечность...

Биение сердца.

И...

...Пулеметная очередь загрохотала совсем близко, описав дугу у макушки подростка...

В ушах зазвенело, словно после бомбежки. Пули повыбивали вокруг почву, забросав ею лежащего на земле паренька. Кириллу следовало бы завопить, но его крик, за общим грохотом, никто бы все равно никогда не расслышал. Еще две пули легли совсем рядом. Но и это подросток выдержал. Зато его организм – нет. По штанине потекло что-то теплое и противное. Кирилл, совсем неуместно, ощутил чувство неопишемого стыда.

Свинцовый дождь закончился так же неожиданно, как и начался.

Боковая дверь, из которой высунулся пулеметчик, закрылась. Вертолет начал вновь набирать высоту.

«Свали! На хрен отсюда!»

Завис в воздухе, развернувшись хвостом к Кириллу.

Но и здесь подросток проявил чудеса смекалки – и остался неподвижным. Винтокрылая машина, поведив по парню прожектором, словно хищным взглядом, полетела дальше.

Кирилл не мог заставить себя подняться еще минут пять.

Даже когда звуки «дьявольской птицы» стали едва слышны.

* * *

– «База», я – «Скиф-два»! Как слышите меня? Прием!

– «Скиф-два», «База» на связи. Слышу вас отлично. Прием!

– Подтверждаю.

– Докладывайте.

– Там и впрямь лежал мальчишка, но, кажется, он мертв. Я опустил птичку ниже, мы повисели немного, постреляли – никаких признаков жизни.

– Вас понял, «Скиф-два»! Вылетайте в Зимовище. Что-то мне не нравится, что наши друзья из «Удара» так долго не выходят на связь. Проверьте. Затем возвращайтесь к приоритетной задаче – зачистке! После вернетесь на дозаправку, а потом доставите наших разведчиков в Академгородок.

– Понял вас, «База». Вижу какое-то зарево над деревней. Вот и разберемся.

– Принял. Конец связи.

* * *

– «Скиф-два», я – «Генерал»! Ответь, «Скиф-два»! – Голос генерала Турко вклинился в общий канал связи группы боевого вылета «Скиф». – Ау? Прием! Как меня слышно? «Скиф-два», ответьте!

– «Генерал», я – «Скиф-два»! Слышу тебя отлично! – откликнулся капитан, не забывая при этом следить за экраном сканера воздушных аномалий. – Как сам-то?

– Крайне паршиво. Обстановка накаляется. И с каждой минутой все становится только хуже. Но я разберусь с этим, даже если придется прибегнуть к самым радикальным методам. За мной не заржавеет. Расскажи-ка ты лучше, как обстановка в вашем секторе?

– Пока что спокойно, как в Багдаде! Тьфу-тьфу-тьфу! – Капитан взглядом в окно окинул кроны деревьев, что простирались под летательным аппаратом. – Ночью было несколько интересных вещей, но только и всего.

– И каких же таких вещей?

– Обнаружили мертвого подростка. Наверное, ребенок кого-то из Дитяток. Беспорядочник, который наслушался сказок о храбрых ловцах удачи и полез за «романтикой». Вот и хапнул этой «романтики» по самое «не балуй»!

– Дети и их тупорылые родители. Вечная проблема нашего общества.

– Ты же прекрасно знаешь, как я отношусь к ослам, которые тащат своих отпрысков к бабушкам и дедушкам на выходные на границы прокаженных земель! Но то лирика! Еще обнаружили сгоревший вертолет. Из НИИАЗ, скорее всего эвакуационный. Один из тех, что не выбрался за Периметр накануне Зарядки. Но признаков жизни не зафиксировали, так что и отряды туда посылать не будем. Бесплезно. А вот тебе, может быть, стоит отправить туда своих парней. Думаю, там есть чем поживиться.

– «Удар» тебе не помойные псы, чтобы останки обглаживать! Да и плевать я на это хотел. Не до того сейчас. У нас в группировке зреет раскол, а мои самые верные ребята заняты поисками последних выживших «Анархистов». Что-нибудь еще?

– Было еще несколько происшествий, но это даже недостойно твоего внимания.

– Никого из «Анархистов»? Нейтралов, может?

– Никого. Облетели Зимовище, там был пожар в одном из домов. Кажется, кто-то вознамерился испепелить деревню до основания. Пролетели вдоль Края вечного лета, но дальше по речке не пошли. Нет карты воздушных аномалий в том секторе, а сканер не всегда все распознает правильно. Техника в Зоне несовершенна, а я за машину и экипаж отвечаю головой. Решил не испытывать судьбу.

– Дальше по речке будет бандитский лагерь, мы с ними забивали стрелу, – после очень и очень долгого молчания продолжил Турко. Капитан подумал, что он что-то знает о пожаре, но решил это знание скрыть. – Мало ли что у них на уме. Еще бы из гранатомета пальнули. Я понял. Что же, это печально. Планируете возвращаться на базу?

– Топливо уже на исходе, так что да. Помогли, чем смогли, генерал, тут уж без обид. Прости, что не получилось довести начатое до конца и выполнить твою просьбу.

– Хм. Если сделаешь еще один круг и обнаружишь где-нибудь «Анархиста» или любого другого одиночку, заплачу сотню штук вечнозеленых рублей – думаю, ты понимаешь, о чем я. – Он совсем по-детски хихикнул. – Если никого не обнаружишь, готов покрыть время твоей команды двадцатью тысячами долларов. Тридцаткой, так уж и быть! Нормальное предложение, а?

– Вижу, эти «Анархисты» тебе сильно так насолили.

– Они представляют угрозу для всех нас. И сейчас они точно где-то в секторе «Зимовище-Край». Я отправил своих людей к бандитскому лагерю. Уроды сообщили, что задержали двоих. Среди них – Огонек. Если это так, то останутся только Скай, Рэй и Коннор. После их ликвидации можно будет вздохнуть спокойно.

– Твоим людям нужно прикрытие с воздуха? Но у меня не хватит...

– Нет! Они сами справятся. А вот если бы ты смог отыскать Рэя, Скай или Коннора...

– Командир, глянь! – вклинился в эфир второй пилот. – Фиксирую присутствие человека! Там, на тропинке!

Благо «вертушка» летела достаточно низко, так что самое примитивное оборудование позволило рассмотреть то, что так взволновало его сослуживца. Солдат, который переговаривался с генералом Турко, присмотревшись, заметил бегущую по лесной тропинке фигуру мужчины, облаченную в какие-то гражданские лохмотья.

– Кажется, мы нашли кое-что, что могло бы тебя заинтересовать. Постараемся задержать! До связи, дружище! Следующий сеанс – через несколько минут!

– Не подведи меня, «Скиф-два»! – Турко отсоединился.

– Чего рты разинули? – капитан обратился к экипажу. – Не спим! Пора готовиться к задержанию!

Глава 7

Враг есть враг

Андрей, сутулясь, брел по асфальту. Лямка рюкзака натирала плечо, луч фонаря покачивался из стороны в сторону, подражая походке мужчины. На пояском ремне болтались контейнеры с артефактами – перед тем, как навсегда уйти из деревни, Рэй додумался проверить хату, в которой долгое время ютился Кот, где и отыскал грошовые «слезы» и «пустышки».

Некрасиво с Музыкантом получилось. Тяжело было перенести осуждающий взгляд – пронзительный настолько, что, показалось, душу рентгеном просветил. Но Андрей банально не мог ему солгать. Слова застревали в горле. И он так и остался для спасителя упертым, отъявленным мерзавцем. Зато честным. Правда, какой бы она ни была, всегда лучше гнусной лжи и уверток. Он уяснил это в полной мере. В то самое мгновение, когда холодеющие Олины губы растянулись в зловещей и глупой предсмертной улыбке.

Из-за лжи он стал главным разочарованием для своей любимой девушки.

Из-за лжи он потерял близкого друга.

И ему не хотелось потерять еще и нового знакомого.

«– Ты слышал выстрелы? Это военный вертолет! Черт! Мы так и будем тут препираться, пока нас не срисует патруль?! К черту! Будь ты проклят, Вадим! Я не могу... просто не могу...»

– И я не могу. Прости меня, Андрей.

– Это ты меня прости. Я должен был солгать. Но я не хочу. Не тебе, Музыкант. Не после того, что ты для меня сделал. Но и отступить не могу. Пойми ты!

– Понимаю. Не принимаю. Но понимаю...»

«Надо было нажать на спусковой крючок, – сожалел Андрей. – Было бы не так паршиво. Вадим со своей “правильностью” может наставить палок в колеса, предупредив “Удар”. Нет. О чем я думаю? Это полный бред!»

«– Что будешь делать? Оставив это, словно ничего и не было?»

– Оставлю. Помнишь, что я сказал тебе про мечь и могилы? Я не могу пролить литры крови. Убийцы Лешки уже мертвы. Он отомщен. С меня хватит.

– Убийцы моих друзей еще живы...

– Прости, что угрожал тебе. Это от горя. Не знаю, что на меня нашло, но я говорил тебе искренне. Про Лешку и тебя. Попробуй успокоиться и взглянуть на ситуацию трезвым взглядом. Насилие порождает насилие. И из этого круга очень тяжело вырваться.

– Меня это больше не волнует.

– Найди Кирилла. Я помогу, чем смогу. Ты отправляйся к мастерской, иди оттуда к КПП, а я буду внимателен по пути в свой лагерь. Если вдруг что – свяжусь с тобой. И ты там свяжись, если найдешь.

– Благодарю тебя.

– Когда найдешь парнишку... а ты его обязательно найдешь... пообещай мне, что поразмыслишь над моими словами, сынок...

– Я попробую».

Бывший анархист почти не знал Музыканта. У него даже не получилось вспомнить, слышал ли он о нем хоть что-нибудь до их встречи, когда они были по разные стороны баррикад. Зато Андрей почувствовал, что покинувший «Удар» боец стал ему едва ли не родным человеком.

Так... странно!

Словно он и сам на место Лешки встал.

Разве что не срослось им напарниками стать.

Дорожки разошлись.

«– То, что ты сделаешь... обезглавишь “Удар”... сотрешь их в порошок... Мир забудет. На место этих отморозков придут другие. Зато ты этого не забудешь. Сможешь ли ты спокойно спать, зная, сколько на тебе крови?»

«МАЗ» темно-зеленой раскраски гнил на обочине.

Давно он тут стоял – колеса спущены, стекла выбиты. Но брошен он не во время эвакуации. Слишком свежо для этого выглядел.

Андрей обошел грузовик, заглянул в его крытый кузов – внутри машины лежал запыленный матрас.

– Передохнуть бы... еще и ревизию провести... оружие там почистить...

До КПП «Зимовище» остался час пути, если шагать по прямой. Андрей сбавил решительность и остановился, чтобы переварить то, что случилось за эти бесконечные сутки.

«Если Кирилл додумался спрятаться от Зарядки, но не вернулся в старый лагерь новичков, то автомастерская – это наилучший вариант для него. Лис с Вороном сожгли все строения дотла, это да, но никто же не отменял неплохо сохранившиеся подвальные помещения. Они не должны были сильно пострадать. Может, Кирилл нашел их? Плясать нужно от мастерской! Затем начну прочесывать местность, по ключевым секторам пройду. Передохнуть бы. Поспать. Лучше искать при дневном свете... Меньше вероятность, что кто-то нападет исподтишка...»

– Нет! Не вздумай! Ты и без того потерял слишком много времени! – выкрикнул Андрей, чтобы подбодрить себя, и задымил сигаретой. – Перекури десять минут – и продолжай! Кирилл, лишь бы ты живой был. Я не переживу же. Не могу же я завалиться к твоему отцу с радостным, сука, известием о том, что я, такой желанный гость в его доме, на корню загубил всех его родственников. Бляха... – Он положил перед собой «калашников» и отщелкнул магазин. – Но должно же повезти. Не бывает так, чтобы только одна мерзость сплошным потоком фигачила. – Патронов было – полный рожок, все тридцать. – Это тридцать смертей получается, если распорядиться боеприпасами грамотно, если точно в цель их посылать. И несколько запасных. – Он защелкнул магазин обратно, отодвинул автомат в сторону и разложил пистолеты. – Так-с, приступим. Это мой. А вот пукалка Кота. Сколько тут? Четыре выстрела. Еще плюс четыре смерти, если не плошать. Заживем!

Музыкант собрал для Андрея сумку в дорогу. Немного – они с Лешкой сами налегке шли, так еще и отклонились от маршрута. Но что-то там было. Нашлись и довольно прочные веревочки, что сгодятся на заушные петельки. И тряпки мелкие нашлись – куда ж без них?

Андрей, откинув ветошь, извлек из кармана кусок ткани, что отрезал от комбинезона Богомолова.

– Теперь бы решить другую проблему... – С помощью боевого ножа он обкромсал материал, подгоняя его под наглазную повязку, проткнул кончиком лезвия две дырки и протянул через них веревочки. – Вот так. Интересно, продержится ли? И как я выгляжу? – Рэй развязал бинт, поглядел на него печально (вся марля была покрыта заскорузлой кровью), надел наглазную повязку. – А, черт с ним, потом в зеркало посмотрю, – и выплюнул сигаретный окурочок.

Рэй почти никогда не разговаривал сам с собой, а теперь вот замолчать не мог – сказывалось, похоже, все то, что он пережил за эти мучительные, долгие дни.

Свист крутящихся вертолетных лопастей звучал совсем близко. Ничего необычного – военный патруль проводит рутинную зачистку местности у блокпоста после Зарядки. Уже который месяц солдатам службы безопасности приходилось в одиночку аннигилировать местную живность. С тех самых пор, как Зимовище обратилось в пепел, эти места стали дикими территориями. Редкий сталкер забредал сюда. И уж он-то точно не смог бы помочь военным выжечь вновь обосновавшихся на руинах псов или волков.

При воспоминании о деревне новичков, о тех годах, когда это была процветающая деревушка, что дарила кров и своеобразный уют всем молодым бродягам, захотелось выдать из себя слезинку. Для приличия. Только из иссушенной души эмоций не нацедишь, как ни старайся.

– Это по-человечески же... заплакать... но по-человечески у меня ничего не выходит...

Как-то все стихло внутри, когда распрошлся с Музыкантом, как-то стало все таким безразличным. Он будто бы превратился в Шатуна – мифическое создание из глубин Зоны, что по описаниям напоминало зомби из популярных фильмов. Одна цель его подпитывала, одна она заставляла его идти вперед, дарила какие-то силы, чтобы не сдаться.

– Они заплатят. Они все должны заплатить.

«А дальше-то что?» – прозвучал в голове голос Музыканта.

– Насрать, что дальше. Пусть хоть убьют. Если за этой жизнью следует другая, то я даже обрадуюсь. Будет возможность извиниться перед всеми. За то, что подвел их... – Андрей растер лицо ладонью, хлопнул себя по щеке. – Так! Не раскисай! Тебе еще Кирюху домой конвоировать!

«Но что делать, если я найду его в канаве с пулей в башке? Или узнаю, что его растерзала местная фауна? А если увижу горсточку пепла, в которую он превратился, угодив в аномалию? Что же делать-то, а? И как тогда отцу его показаться? Что ему сказать? Речь, что ли, прорепетировать? Давай, начнем! Привет, Лесник, это я, Андрюшенька, твой дружок, который сгубил всю твою семью. Да-да, я отнял у тебя всё! Это я тебе так отплатил за то, что ты меня под свой кров пустил! За то, что заботился обо мне, как о родном сынишке! Я же с детства тебя знаю, дядь! Слушай, а помнишь Рахмана? Или память в старости подводить начала? Да-да, ты прав, тот, что за твоей дочерью приударил! Мы с ним еще не в ладах были на этой почве, он постоянно винил меня: дескать, я сделал всё, чтобы развалить их с Олей отношения! Вместо того чтобы разобраться в себе и вовремя принять решение! Помнишь? Я ему нужен был. Я всем им нужен был. Но я ушел. Бросил их. Меня не оказалось рядом. А теперь, дядь Паша, их нет. В лучшем мире они. Ну, а чего мы на пороге стоим? Давай зайдем, выпьем! Расскажешь, сам-то ты как?»

– Толик, мы с тобой не чужими же людьми были, раз после всего ты меня о помощи попросил. Раз мы тут вместе половину Зоны излазили. Раз ты мне доверился, когда «Анархистов» создавал. Раз замом меня своим назначил. Значит, стоила же наша дружба хоть чего-то? Помнишь те времена, Толя? Я помню, словно все это вчерашним днем проскочило. Ты только вдумайся! Пять лет назад мы с тобой затеяли создать «Анархистов». Целых пять лет назад! Солидный срок для «ловца удачи». Для многих продержаться здесь даже полгода – уже непосильная задача...

Разговор с мертвецом вынудил Андрея погрузиться в прошлое.

Шел две тысячи девятый год. Это был год настоящего «расцвета сталкерства», как его позже окрестили бродяги. Народ стекался в Зону с разных уголков света, искатели протапывали новые, безопасные тропы, военные ужесточали контроль, велось освоение новых локаций, формировались первые серьезные группировки. Одной из таких и стали «Анархисты». В те славные деньки он, Рахман и еще десяток парней, включая Белого, решили стать не просто объединившейся командой боевиков-головорезов, как, например, наемники, а чем-то бóльшим, чем-то поистине грандиозным. Так и зародилось их братство – братство людей, окрыленных свободой и возможностями, что открывало перед ними Проклятое Место. Целая сотня бойцов со своей идеологией! И это – только начало! У Андрея ушло много времени, чтобы собрать под одной крышей своих сторонников – бунтарей, свободолюбивых личностей, неудавшихся ученых и мечтателей. Всех, кого можно было сковать одной целью – стремлением к пониманию и изучению Зоны. Стремлением к знаниям. Она, Зона, – настоящее Чудо, а не смертельный капкан, если посмотреть на нее немного с другой стороны. Все зависит от точки зрения. «Анархи-

сты» мечтали изучить ее, разгадать ее загадки, раскрыть все ее тайны, а также научиться гармонично сосуществовать с ней. Поделиться своими открытиями со всем миром. Это и стало камнем преткновения с «Ударом». Началась вакханалия. Каждую неделю – схватка насмерть. День за днем, бой за боем – свистели пули, воняло пороховой гарью, а улицы заливала кровь. Кто-то погибал, но на их место приходили другие – конвейер смерти, как во время боевых действий на Большой земле. Но никто из «Анархистов» не предавал идеалов братства, никто не бросал друзей в трудном положении, никто не сомневался в правильности этой войны. «Стоим до конца», – клялись они, когда хоронили своих товарищей, павших в мясорубке за идеологию и черт его знает за что еще.

«Глупая и бессмысленная бойня. Столько загубленных судеб. И ради чего? Ради наших с Толей амбиций? Ради того, чтобы в конце я, один из основателей, все это предал? Забыл обо всем? Смысл в унитаз все наши победы, все наши достижения, все наши потери и всю нашу боль утраты? Вы стояли до самого конца, как и поклялись, а я струсил и сбежал! Я придумал себе оправдание: мол, это для того, чтобы уберечь вас от раскола. Какой бред! «Анархисты» бы не раскололись из-за того, что два их лидера не смогли поделить одну бабу! Даже если бы мы с Рахманом вцепились друг другу в глотки...»

Но Андрей не мог не рефлексировать, не мог не обвинять себя. Он прекрасно понимал, что былого не вернешь, что кнопки «рестарт» в реальной жизни не существует, но успокоиться и перестать сожалеть о случившемся так и не смог. Оставалось пожинать плоды своих решений, что и привели к такому исходу. Пожинать их до самого последнего дня.

– Будь мужчиной! Смирись! И ответь за последствия!

«Как было написано в той древней книжке? “Время разбрасывать камни, время собирать их”. Чертовски хорошее высказывание...»

– Простите меня, парни. Я клянусь вам, вы умерли не напрасно. Я сделаю все, чтобы это доказать...

«Режим Турко больше никогда не причинит никому вреда. Я прослежу. Вадим, возможно, был прав, говоря, что мир быстро забудет меня и мою месть, а на место “Удара” придет кто похуже. Но, знаете, я буду спокоен. Потому что попытался что-то поменять. Потому что попытался изменить этот мир к лучшему, а не остался стоять в стороне. Все. Хватит лясы точить. Мне пора. Я найду тебя, Кирилл. И я позволю вам спать спокойно, братья...»

Собрав свои вещи, Андрей выпрыгнул из кузова на потрескавшийся асфальт.

На улице светало.

Рэй вдохнул, выдохнул, успокоил нервы и пошел вперед.

* * *

Измощенный долгой дорогой Кирилл вышел к первым попавшимся деревенским домам. Те были отгорожены от песчанки покосившимися гнилыми заборами, за которыми скрывались оставшиеся неухоженными сады, огороды и клумбы.

Подросток остановился у ржавой калитки, постоял, переминаясь с ноги на ногу и раздумывая, стоит ли идти дальше. Ночью оставаться на открытой местности было, мягко говоря, неуютно, и он толкнул металлическую дверку, которая заскрежетала несмазанными петлями – и этот скрежет показался в ночной тишине разрывом сотен бомб.

Мысленно матерясь, Кирилл шагнул на участок и примял подошвой пожухлую траву. Он отметил, как хорошо сохранился домик – вот, даже целые окна виднелись, голубая краска на стенах не до конца слезла и не сильно-то облупилась. Сооружение выглядело так, словно хозяева должны были вот-вот вернуться. Но парня это не насторожило, а совсем наоборот.

Прохудившееся крыльцо дома встретило человека приставленной к полуразрушенным перилам лопатой. Кирилл взялся за выдавший виды, но еще вполне крепкий черенок. Осмот-

рел штык, усталился на него практически вплотную – он оказался тронутым коррозией, но не убитым ею. Годится.

Дальше его ждал подъем по скрипящим под ботинками ступенькам. Каждый шаг отдавался самым настоящим ударом по нервной системе. Кирилл наступил на что-то и машинально вскрикнул, но это оказалась всего-навсего советская игрушка: кукла-неваляшка. Отфутболив ее, парень покрепче вцепился в затертую рукоять. Лопата в руках придавала немного уверенности в своих силах, дарила мнимый эффект защищенности, вот только полностью заглушить животный страх так и не помогла.

Ручка двери провернулась, сыграв на натянутых, словно гитарные струны, нервах, и мальчик понял, что сейчас расплатится. Сделав глубокий вдох, он заставил себя переступить порог и зайти в полутемное и пыльное помещение. А полутемным оно было из-за светящихся по углам аномалий. Зеленоватые отблески выглядели завораживающе, но в то же время невероятно пугающе.

Воздух в коридоре был не таким, каким должен быть в пыльном и сыром доме. Наоборот, он был сухим, словно Кирилл оказался посреди африканской пустыни. Припоминая рассказы искателей, которые он любил слушать в доме отца, подросток принялся подбирать с пола разнообразный бытовой мусор – от болтиков до мелких зеркальных осколков. Собрав, он стал разбрасывать все это в разные стороны.

Как оказалось, не зря: в трех метрах от него вспыхнул «камин». Так называлась эта ловушка, если он ничего не напутал. Огнедышащая аномалия одарила столпом пламени, что с гулом, напоминающим звук работающего огнемета в компьютерных играх, ударил в потолок. От подлунки Зоны исходил дикий жар, огонь выбрасывало в потолок, но доски даже не почернели от копоти.

Кирилл в мгновение ока вспотел, а спустя какие-то секунды все стихло. Человек, потревоживший покой дома мертвецов, еще добрую минуту простоял на месте, боясь пошевелиться.

Он приблизительно запомнил, где находится «камин», и продолжил изучать помещение. Зашел в первую попавшуюся комнату и закрыл за собой дверь, чтобы избавиться от ощущения, будто за ним кто-то пристально наблюдает. Рассмотреть убранство помогли все те же зеленоватые аномалии: в комнате стояла железная кровать с продавленным и покрытым плесенью матрасом, на стене же висел выцветший календарь с пейзажем города Припять и печальной датой: апрель, 1986 год.

«АТОМ – МИРУ! ПОСЕТИТЕ НАШ СОЛНЕЧНЫЙ ГОРОД!»

Цифры до 27-го числа были перечеркнуты карандашом.

И всё.

Видимо, этому домику не повезло оказаться разграбленным в первые годы изоляции Зоны от Большой земли. Воры тогда работали не покладая рук. Они несли все награбленное добро за «колючку», отравляя жилища тех, кто осмеливался купить уцененный телевизор или какую-нибудь иную мебель.

Дверь за спиной отворилась...

Кирилл резко обернулся, замахиваясь лопатой...

...и его растерянный взгляд пересекся с inferнальным взглядом ярко-желтых глаз, так и пылающих нечеловеческой ненавистью...

В отсветах аномалии можно было разглядеть очертания кривой и ссутулившейся фигуры, которая отдаленно напоминала фигуру какого-то гуманоида-переростка. Кирилл мог бы принять эту тварь за представителя своего вида, если бы не те самые ярко-желтые зрачки и щупальца, что свисали с того места, где у нормальных людей должна была находиться нижняя челюсть.

– Что за хрень?!

Существо разверзло свою бездонную пасть и обдало паренька смрадом разлагающейся плоти.

– Что такое?! – истерически закричал Кирилл. – Отвали от меня! – и, не ожидая от себя такого проявления героизма, врезал металлическим штыком в висок этого чудовища. – Н-на! Получай!

Нечто поистине демоническое ощерилось и зарычало, распуская щупальца.

Кирилл сделал неуверенный шаг назад и вновь взял замах. Но тварь отмахнулась когтистыми лапами и бросилась на подростка, не оставив тому и малейшего шанса на успешную контратаку. Врезавшись всем своим немалым весом в тело мальчика, мутант свалил его с ног и выбил воздух из легких. Единственное оружие – та самая лопата, найденная им на входе, – отлетело в темный угол.

– Нет!

Монстр хищно ухмыльнулся и подхватил Кирилла за ногу, порвав своим острым когтем штанину...

– Нет-нет-нет... – стонал мальчик, чувствуя, как по ноге обильно сочится теплая кровь. – Пожалуйста... нет... я прошу тебя... я не хочу... не здесь... – Он попытался вцепиться ногтями в дощатый пол, словно надеясь отсрочить свою неизбежную гибель. – Нет, – срывался он, глядя на красные пальцы своих стертых в кровь рук, – остановись, пожалуйста!

Мутанту было наплевать на мольбы беззащитной пищи – он как тащил свою добычу по комнате, так и продолжил тащить. Только довольно хрюкал, словно свинья в предвкушении заслуженной кормежки.

«Скоро все кончится...»

Завопил во всю глотку, сорвал ее. Кричал так громко, как никогда раньше. Словно надеясь оставить в этом мире если не свою физическую оболочку, так хотя бы голос, что будет вечным эхом разноситься по пораженным радиацией черновыльским лесам.

Ноздрей коснулся отчетливый запах гнилого мяса – это чудовище, склонившись над безвольным телом ребенка, начало обвивать его лицо своими грубыми и холодными щупальцами.

Мальчик почувствовал, как по щекам потекли тоненькие алые ручейки.

На языке отдало металлом...

«– Монстров в шкафу не существует, сынок, а ты должен быть сильным и храбрым, чтобы их одолеть.»

– Но как, мам?

– Будь смелым, как твой папа.

– Мам? Ты меня любишь, мам?

– Конечно, люблю. Что за вопросы?

– И никогда не оставишь меня одного?

– Никогда.

– Правда?

– Да.

– И я тебя люблю... и никогда не оставлю...»

В памяти Кирилла всплыл давний разговор с матерью. С Марфой Петровной. С самым дорогим и близким человеком – у мальчика язык не поворачивался назвать ее приемной. Своего детства он не помнил, все воспоминания словно вычистили из памяти, заменив какой-то непонятной мешаниной из картинок. Но пробел был восполнен материнской любовью. Приютившая его семья Лесника заботилась о юноше, как о своем родном сыне, не думая о том, кто он и откуда, не пытаясь докопаться до истины и вечно напоминать мальчику о том, что он «прокаженный». Спасибо, этих напоминаний ему от одноклассников хватало!

Он вдруг почувствовал себя невероятно беспомощным, его вновь окатило волной бесконечного одиночества – подобное он ощутил, стоя у гробовой доски своей мамы.

Тягостные воспоминания, помноженные на всепоглощающий страх, помогли Кириллу пересилить себя и найти в душе ту неистовую тягу к жизни и сопротивлению, помогли отключить разум и дать полную волю инстинктам.

– Сукин ты сын! – нащупав пальцами какую-то железную трубу, он с силой зарядил ею по щеке кровососущей твари. – Получай! – Та взвизгнула, но не отлипла от настрадавшегося мальчишки.

Тогда Кирилл, постанывая от боли, сжал на лбу монстра свои изрезанные ладони, вцепился в этот самый лоб грязными, давно не стриженными ногтями...

– Нет! – заявил он, теряя сознание от вони протухшего мяса. – Не дамся! Ни за что! – Он уперся с силой, отрывая щупальца от своего лица. – А-а-а-а!!!

Кровь струилась – уже не тонкими ручейками, а едва ли не сплошным потоком. Кожу словно истыкали сотней мелких иголок, а затем без наркоза отрезали пораженные участки скальпелем. Рассудок грозился покинуть его, от боли плыло перед глазами, перехватило дыхание.

Зато – сработало! Он изловчился и спихнул с себя это смердящее дохлятиной исчадие ада. Не без труда поднявшись на ноги, мальчик сгруппировался, утер слезы превратившимся в труху рукавом своей куртки и похромал к дальнему углу – рана на ноге давала о себе знать с каждым новым шагом. Но он шел, невзирая ни на что. Туда, куда, по его ощущениям, отлетела лопата, что могла стать для него последним спасительным шансом. Он нашарил в темноте показавшуюся такой приятной на ощупь деревяшку.

– Что смотришь?! Ты мне должен! – Наконечник лопаты со звоном соприкоснулся с носом мутанта, свернув его набок. – Больно?! А, сволочь?! Так еще получи! – Следующий удар пришелся по непропорциональной голове – «демон» даже не успел опомниться. – Еще, может?! Теперь ты чувствуешь себя беспомощным! Ты, а не я! Слышишь, сука?! – Третьим замахом Кирилл вогнал острый кончик в горящие ненавистью ярко-желтые глаза – белки лопнули, потекли светло-серой субстанцией по уродливой морде. – Ты, сволочь, а не я!

Издав нечленораздельный рык, чудовище защелкало зубами и зашаталось, всем своим видом напоминая пьяницу в очереди на кассе супермаркета.

– Умри! Сволочь! Умри! – На последний рывок ушла вся жизненная энергия, ушли все силы. Кирилл взял быстрый темп и, разбежавшись, вонзил лопату по рукоять в грудь ненавистной твари. – Подохни! Сука! Подохни! – и тут же повалился наземь из-за нестерпимой боли в рассеченной когтем ноге.

Мутант отступал: шаг за шагом он отдалялся от Кирилла, не видя, что пятится напрямиком в жерло аномалии...

...из массивной туши вырвались фонтанчики черной крови...

Тварь заскулила, словно раненая собака, и завалилась на спину, подняв целое облако пыли. Кирилл отпустил черенок – все было кончено.

Мертвое тело начало медленно растворяться в зеленоватом свечении.

– Боже...

Тошнить ему было нечем, поэтому блевал он желчью. Обессилев и упав на колени, подросток зашелся в хрипе – каждый спазм разрывал его изнутри.

Захотелось умереть, лишь бы больше никогда не пришлось переживать что-то подобное...

– Как же мне... как же мне плохо...

Сознание начало стремительно проваливаться в такую манящую черноту.

Кирилл не сопротивлялся.

Так и должно быть?

Только так, и никак иначе.

Все печали и невзгоды, все лишения и трудности...

...все это осталось позади...

* * *

Мрак ночной Зоны расступился под мягкими и теплыми солнечными лучами.

Андрей улыбнулся – он ждал рассвет, словно манну небесную, всерьез опасаясь того, что ночь будет длиться бесконечно.

– Слава богу...

Здесь, в безрадостной серости, в проклятом всеми высшими силами аду, лишь утром и вечером можно насладиться подобным прекрасным зрелищем. Дни-то здесь пасмурные и темные, под стать общей атмосфере вечной осени.

– Эстетика постапокалипсиса, чтоб ее...

Мужчина растоптал окурки и лениво поднялся с трухлявого пенька. В метре от него пульсировала гравитационная аномалия, что уже успела превратить упавшую березку в щепки и поломать ближайшие ели.

Одноглазый путник поправил экипировку и поплелся дальше по узкой лесной тропинке. Деревья над головой были рыжеватого оттенка, а скрюченные ветки вместо листьев обросли каким-то мочалом. Андрей задержался возле покосившейся опоры линии электропередачи, зажал в желтых зубах ацетатный фильтр и прикинул, какой маршрут выбрать в качестве обходного пути. Сделал несколько затяжек, почувствовал тошноту и выбросил наполовину недокуренную сигарету. Надо было двигаться в обход. Андрей здраво рассудил сделать круг в несколько сотен метров. У этих самых опор все было затянуто какой-то неестественной густой паутиной. В траве, совсем рядом, лежал, словно закутанный в пеленки, труп седовласого старика.

– Господи, – перекрестился Андрей, – упокой его грешную душу. И спаси наши черные души, Отец...

Отчаяние словно бы сдавило его стальными тисками, мешало дышать и рационально мыслить.

Ночь поисков, что показалась ему такой долгой, привела ровно... ни к чему. Куда он только не заглядывал, как только не рисковал своей драгоценной шеей, а найти Кирилла не смог. Как не смог обнаружить ни единого намека на его присутствие где-либо. Никаких кострищ, никакого мусора, никаких погромов ни в одном из домов, куда проникал бывший анархист, чтобы увидеть хоть какие-то следы жизнедеятельности постороннего человека. Но везде – глухо, даже пыль – и та нетронутым слоем лежала. Поиски зашли в тупик.

Верилось ли Андрею в то, что подросток сумел выбраться на Большую землю? Что его спас кто-то еще? Не получалось. Не мог он в чужь уверовать, не укладывалось в его мировоззрении, что все может быть настолько легко. Сценарий благополучного исхода необходимо оставлять для глупых книжек и слащавых фильмов, ведь жизнь – она слишком жестокая штука, так просто в ней ничего не бывает.

Час блужданий – еще один час бесплодных попыток, еще один час надежды на чудо. И что в сухом остатке? Он вышел к потрескавшейся кирпичной будке без стекол, что торчала перед полуразвалившимся забором. Ржавый шлагбаум, что валялся справа от еще проглядывающейся под пожелтой травой бетонной дороги, навел странника на мысль о том, что он натолкнулся на ту самую печально известную автомастерскую, которую военные сожгли больше года назад.

– Да, наверное, это она... – вырвалось у Андрея, когда он припомнил карту местности. – Что же, здесь мы и поищем. Может, Кирилл, ты в каких-то гаражах укрылся?

Андрей извлек на свет божий свой коммуникатор, и в ту же секунду к утреннему безмолвию добавилось какое-то несвойственное и громкое клочкотание.

Это клокотание было знакомо бывалому сталкеру-ветерану.

– Веселье только начинается! – Рэй сорвался с места, побежав к останкам контрольно-пропускного пункта. – Вот же, мать твою, подстава!

Он был умудрен суровым жизненным опытом, а потому не надеялся на благосклонность госпожи Удачи. Трезво оценив свои шансы на выживание, Андрей прекрасно понял, что воевать против боевой летающей машины – идея не очень перспективная и вряд ли обреченная на однозначный успех. С одним-то «калашниковым» наперевес. Какая у него альтернатива? Суждено погибнуть этим прекрасным утром? Так героически, вдоволь напившись кровушки своего врага напоследок! Но загвоздка была в том, что умирать бывшему анархисту не хотелось.

В спину ударил луч прожектора...

– Нарушитель! – прогремело с небес. – Не двигаться! Это приказ, ни с места! Вы пересекли границу особо охраняемой зоны экологического бедствия! Если вы вооружены, то медленно, без резких движений, разоружитесь! В противном случае мы имеем право стрелять на поражение! Поднимите руки над головой и четко выполняйте наши инструкции! Повторяю, в случае невыполнения законных требований вы будете ликвидированы!

– Хрен вам в рыло!

Андрей, как и практически каждый обитатель Зоны, наслушался увлекательных историй о том, как военные поступают с пленными бродягами. И как же? А очень банально: дарят пулю в лоб и неглубокую яму за ближайшим пригорком. Так вот прозаично. Никто не станет разбираться, никого не накажут. Мало ли что могло произойти. Искатели мрут штабелями, особенно близ Зимовища и Края вечного лета. Шансы остаться в живых, но присесть за решетку в темницу сырую есть только в одном случае: если задержат у самого Периметра, там-то могут и повозиться с бумажками, соблюсти все формальности, чтобы передать очередного сумасшедшего в руки правосудия. Да и заблудившиеся грибники нередко попадают. Их-то за что гасить? Приходится разбираться. Но здесь, вдали от границ, никому не нужна лишняя головная боль.

Так что он поднажал.

– Придурок! Мы тебя шугать не будем! Думаешь, на мелочь боезапас не тратим? Так что, сука, повторяю, стой на месте! В случае невыполнения законных требований ты будешь ликвидирован!

Дистанция до будки контрольно-пропускного пункта стремительно сокращалась.

«Окно! Успеть бы! Успеть бы запрыгнуть!»

– Это последнее предупреждение!

Андрей был в курсе того, что эти «темно-зеленые засранцы», как сталкеры называли военных за кружечкой чая у костра, на коротком поводке у «красно-черного засранца» Турко. Учитывая всю ситуацию, лидер «Удара» вряд ли не разыграл и эту карту. Это же великолепная возможность снять все сливки чужими руками и добить своих недавних союзников, укрепив и обезопасив свое положение, даже не вставая с офисного кресла. Как только «безопасники» поймут, кто перед ними, они польстятся на жирный кусок, который эта «ударовская» мразь предложила за бесславную кончину Рэя.

Ослепительно-белый свет заполнил собой все пространство...

– Каждому свое! – констатировал холодный голос. – Это твой выбор! Огонь!

Перемахнув через окно, Андрей всем своим телом вжался в битый кирпич и выругался. Пулеметные очереди градом обрушились на хрупкую «коробочку», грозясь измельчить ее до состояния атомов.

Жертве, загнанной в угол, оставалось только шире открыть рот, чтобы уберечь свои барабанные перепонки.

* * *

- «Генерал», я – «Скиф-два»! Связь! «Генерал», я – «Скиф-два», ответь!
- Я – «Генерал», прием! Слышу тебя, «Скиф-два»!
- Нарушитель наш оказался шустрым малым, он укрылся на КПП на территории брошенной автомастерской. Ты точно хорошо заплатишь? За запас мне перед руководством отчитываться. Снаряжать вторую ленту?
- Не обижу, друг мой. Знаешь, я чувствую, что это тот, кто нам нужен. Как он одет?
- В простую гражданскую одежду.
- Думаю, это точно он! Секунду! Да! Мы пробили частоту его КПК. Это Рэй, «Анархист», сигнал идет из твоего района! А раз так, то разнеси эту мастерскую к чертовой матери!
- Повтори – что?
- Не жмись с ракетой, мой друг! Вот что!
- Ракетой? Это дорого обойдется...
- Накину столько, сколько скажешь, хоть две сотни!
- Понял тебя. Что ж, ловлю на слове. Не подведи!
- За меня не беспокойся...

* * *

Вертолет гремел винтами на всю округу, он опускался все ниже и ниже, пока не застыл практически на одном уровне с будкой контрольно-пропускного пункта.

У Андрея в сознании зародилась одна глупая и безумная затея, но она показалась лучшим выходом. Действие всегда лучше бездействия – это аксиома. И он решил не сетовать на свое безвыходное положение, а сплестись с судьбой зажигательное танго.

Не веря в успех своего предприятия, Рэй, когда у него появилась лазейка – те жалкие секунды, что экипаж был вынужден потратить на перезарядку бортовых пулеметов, – выставил в пустой проем автоматный ствол и надавил на спусковой крючок. Палец заходил ходуном – автомат посылал в цель очередь за очередью. Три короткие очереди легли в центр луча прожектора – и тот, после звука, характерного для рассыпавшейся линзы, погас.

– Надо же! Карта в масть! – Сталкер вскинулся и побежал к выходу с противоположенной стороны от окна: – Удача не миф, чтоб ее!

Он не слышал радиопереговоров военных – не мог их слышать. Не было у него подходящего оборудования, поэтому и знать о том, что капитан этого «летающего корабля» не будет «жаться с ракетой», он не мог. Просто что-то внутри, что-то зашитое в подкорку на уровне рефлексов, заставило его броситься наутек из убежища.

Андрею повезло – уже в который раз.

Будку, из которой он выскочил секунду назад, разнесло в клочья – и человека толкнуло взрывной волной. Пропахав носом землю, Рэй зашипел от боли – грязь попала в единственный уцелевший глаз. Осколки пронеслись над его шевелюрой, словно хищные пчелы, – и исчезли в яркой вспышке аномалии, что мерцала в сотне метров от места «приземления».

– Су... ка...

Протерев глаз, Андрей попытался подняться.

* * *

Неожиданный приказ. Где это видано, чтобы дали добро выпустить дорогостоящую ракету по двуногой цели, которая забила в угол и уже не представляла никакой угрозы? Расчётливость, за которое спросят. Но это ничего, нужно только руководство подмазать. Купить в этом мире можно все – в том числе честь офицера.

– Это ты ему так за прожектор отомстил, что ли? Ты представляешь, как за эту ракету спросят командование? Ты в своем уме, капитан?

Экипаж перебранивался по каналу внутренней связи.

– Порядок в эфире!

– А заплатят нам хоть сколько, а?

– Достаточно заплатят! Столько, сколько попросим, бляха!

– А что с командованием делать-то, а?

– На лапу дать! Что еще ты делать собрался? Мы все тут заодно, так что в отчетах все как один и напишем, что мутантов валили! Скопление огромное вырезали, что угрожало безопасности КПП. Писари хреновы!

– Выжил он хоть, видел кто-нибудь?

– Сейчас проверим. Пока – порядок в эфире!

– Порядок? Нам никто не поверит! Они все спишут с нашего же жалованья. Годами выплачивать будем! Нам нельзя было ее использовать без самой крайней необходимости! Лишь в том случае, когда нашим жизням прямая угроза, е-мое, только тогда! Если завтра тут патруль пройдет? Они не увидят никаких мертвых туш, так что придумай сказочку получше, чем войну с мутантами, товарищ капитан!

– Антоша, ты там что, охренел в край? Ты со старшим по званию как кукарекать решил?

– Успокойтесь вы! Оба! Я вижу цель! Ковыляет к гаражам!

– Что?! Черт! Уничтожить! Убить его! Антон! Пулемет! Готовься! Из твоего, может, валить будем, если бортовые не достанут!

– Как он смог выбраться из-под завалов? Он что, бессмертный?

– Устранить! Теперь он точно не должен уйти отсюда живым! Как ты сам сказал, за ракету спросят по полной!

Вертолет устремился вверх.

– Капитан, сканер аномалий шалит! Не может распознать, что там над гаражами. Слишком рискованно, можем вляпаться...

– Да ничего там нет, давать заднюю поздно! Так что – выполнять приказ!

* * *

Передышка в этой извращенной версии игры «кошки-мышки» выдалась недолгой. Загонщики смекнули, что тот, за кем они охотятся, не упокоился под сложившейся будкой, а выпрямился во весь свой рост и похромал к гаражам. Значит, их миссия еще была далека от завершения.

Андрей не пытался скрыться. Куда тут? По обе стороны бесконечно тянулись ряды с наглухо заваренными железными воротами, что как под копирку были разрисованы знаками радиационной и биологической опасности. Только один из гаражей был открыт. Туда!

Крупнокалиберная очередь перечеркнула беглецу дорогу. Андрей был вынужден отпрыгнуть в сторону – поврежденная нога тут же напомнила о себя. Костеря все и вся на чем свет стоит, он не без труда, но ввалился в тот самый открытый бокс.

Внутри – пусто, всё вынесли. Мародеры, как пить дать. Ворота срезали, чтобы сподручнее было выносить награбленное добро. Только почему в другие гаражи не полезли? Конкретно в этом помещении хранилось сокровище на миллион?

Андрей сел на край ремонтной ямы, свесил ноги.

– Если у вас нет второй «воздух-земля», то оставьте меня в покое. Если есть, то хороните да отвалите. В печенках уже сидите.

Ясно, что его не отпустят. Только не после того, как по его позиции выпустили пресловутую «воздух-земля». Андрей не был силен в расценках на вооружение и боеприпасы, которые западные страны поставляли для армии Украины по специальным договоренностям об охране периметра закрытой зоны экологического бедствия, но тут и ежу было понятно, что эта игрушка была далеко не из самых дешевых. Это доказывало простую истину, что военные явились сюда исключительно за его тушкой, иначе бы не потратили на какого-то рядового нелегала целую ракету.

– Жопа! – Рэй засунул в рот последнюю оставшуюся в пачке «никотиновую зубочистку», смял упаковку, кинул в темный угол. – И что мне делать? Не сотню же лет здесь отсиживаться. Черт, а это даже патетично! Последняя сигарета, последний бой... – Он откинул полупустой автоматный магазин, вставил новый, передернул затвор. – Чем не сюжет для очередной сталкерской баллады? Если нам не суждено надолго задержаться в этом мире, то уйти из него мы должны, как самые настоящие герои, а не как забившиеся в дальний угол крысы. – Он перевел «калаш» на режим стрельбы одиночными; дым ел легкие, сигарета дрожала в бурях от запекшейся крови пальцах. – Не дождетесь! Нет! Еще рано! Прости, Кирилл, что втянул тебя в это. Надеюсь, ты выжил и выбрался. А если нет, то, надеюсь, ты умер легко и быстро, как бы страшно ни было мне это сейчас вслух говорить. Я сделал все что мог...

– Нарушитель! Выходите с поднятыми руками! У вас еще есть шанс остаться в живых!

«Врут, – отстраненно подумал Андрей. – Да и хрен с ними. Пусть делают что хотят».

– И ты меня прости, Лесник. Ты мне как батя здесь был. Я для тебя, для семьи твоей, всегда хотел только лучшей доли, ты же знаешь. Но эта жизнь... Каждому воздается по делам его. И я заплатил сполна. Самым дорогим, что у меня и у тебя было. – Голос задрожал. – Олей. Она меньше нас всех заслуживала лежать в могиле. Нет мне прощения, Лес, а ты все равно – прости. И ты, Оля. За то, что не смог тебя спасти, за то, что слово свое не сдержал, что малыша твоего не вырастил. Но, может, в этом и смысл? Урок всем нам. Что ему надо начать все с чистого листа, чтобы по проторенным нами дорожкам не пойти? Чтобы его ничего не тянуло в наше исковерканное прошлое. Я уже ничего не знаю, зайчик. Даже не знаю, как оно там будет. Но здесь не отсидишься. – Андрей как будто бы находился в каком-то трансе, совершенно не заботясь о такой мелочи, как пыль и крошево от дробящихся стен, что летели на него; время для него как будто бы остановилось. – Второй раз гасанут ракетой... И патронов у них целый вагон, могут в порошок стереть эти хлипкие гаражи. А если они посадят свою малышку и выйдут за мной на своих двоих, я уже вряд ли смогу сопротивляться. – Пепел опал, и табак затух. – От них сейчас особо не побегаешь, а в открытом противостоянии я не выведу.

Рэй закончил свой очередной монолог – теперь нестерпимый грохот причинял его телу почти что физическую боль, заставляя и без того натянутые до предела нервы чуть ли не рваться от перенапряжения.

Пули продолжили крошить красную кладку, продолжили осыпать прячущегося сталкера кирпичной шрапнелью. Андрей сам загнал себя в ловушку, это стоило признать. И выход был – единственный...

Но лестница в небо – это же выход, не так ли?

– Надеюсь, Оля, мы скоро увидимся. Если же нет, что ж... я рад, что здесь мы однажды встретились...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.